

Ночь вне закона

Автор:

[Себастьян Фитцек](#)

Ночь вне закона

Себастьян Фитцек

Иностраннный детектив

Ночь вне закона – так называется лотерея смерти, набирающая популярность в Интернете. Каждый желающий сообщает имя человека, которого считает недостойным жить. Результат объявляют в символичное время – 8 августа в 8:08 вечера. Теперь известны две жертвы, на которых объявлена охота. Этим людям можно не только безнаказанно убить, но еще и получить за это приз – 10 миллионов евро. Беньямин Рюман, безработный музыкант-неудачник, неожиданно для себя понимает, что он – один из обреченных. Попав в отчаянное положение, он вынужден продолжать участвовать в безумной игре, так как в противном случае от яда умрет его дочь.

Себастьян Фитцек

Ночь вне закона

Роман вдохновлен «Судной ночью».

...объявлять кого-то вне закона: полное или частичное лишение лица правовой охраны со стороны государства (вплоть до разрешения любому убить такое лицо).

Словарь «Дуден»

Это реальная история![1 - Не верьте никому, кто обещает вам правду, прежде чем он начнет рассказывать свою историю.]

SEBASTIAN FITZEK

ACHTNACHT

Copyright © 2017 by Verlagsgruppe Droemer

Knaur GmbH & Co. KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Пролог

– Это вас.

Доктор Мартин Ротх, психиатр с неожиданно гладким, слишком моложавым для главного врача лицом, хотел передать ей телефонную трубку, но она вдруг испугалась.

Конечно, она была рада услышать чей-то голос помимо голоса терапевта и сокамерников, хотя доктор Ротх не любил, когда она так называла других пациентов. Но ее вдруг охватил сумасшедший ужас: казалось, сто?ит собеседнику на другом конце произнести первое слово, как телефон в руке воспламенится и сожжет ее покрытый шрамами и рубцами череп. Она боялась вспышки огня, который, преодолев барабанную перепонку, доберется до мозга. Безусловно, это было чушью. Но в любом случае не такой большой глупостью, как обычные суеверия, – разумеется, можно разбить зеркало и все равно выиграть в лотерею. И уж точно не такой нелепостью, как фея сна, в которую

она долго верила в детстве. Ее мама прибегала к этой замечательной фантазии каждый раз, когда не хотела читать сказку на ночь.

– Если ты прямо сейчас выключишь свет, то фея сна оставит для тебя утром какой-нибудь подарочек под дверью. Можешь пожелать чего-нибудь!

«Шоколадку».

Иногда она желала себе платье принцессы или кукольный дом. Но в основном хотела сладостей, потому что маленькие заказы – это она быстро смекнула – фея иногда исполняла. На большие маминых угрызений совести не хватало.

Если бы мама подошла сейчас к ее больничной кровати в закрытой палате отделения номер 17, поцеловала в нос и спросила, что ей хочется попросить у феи сна, то она, как утопающая, вцепилась бы в мамину спасительную руку и крикнула:

– Я хочу вернуть все назад!

«Ей-богу, я так этого хочу!»

А потом бы заплакала, потому что ей давно уже не пять лет и она слишком большая, чтобы верить в чудеса. Хотя именно сейчас это и было нужно.

Чудо, которое стерло бы все, что она натворила и что в итоге привело к крови, ужасу и отчаянию.

«Только смерть обнуляет счет».

Оц часто повторял ей эту фразу, но, честно говоря, для этой мудрости не требуется много жизненного опыта. Все создано для того, чтобы выйти из строя: холодильник, любовь, рассудок.

Она уже не могла сказать, когда именно лишилась от страха рассудка.

Или все-таки могла? Вероятно, это случилось в день их последнего контакта.

Незадолго до полуночи. Когда Оц, о котором она не знала ничего, кроме этого странного псевдонима, показал ей свое настоящее лицо, не раскрыв при этом, кто же он на самом деле.

- Почему мы не можем это остановить? - спросила она. Уже готовая расплакаться, потому что поняла: Оц никогда и не планировал заканчивать эксперимент по-хорошему. Он использовал ее. Самым ужасным и жестоким образом, как не поступал еще никто и никогда.

- А зачем? - спросил он.

- Потому что так не было запланировано!

- Жизнь нельзя спланировать, детка. Это процесс познания. Она идет своим чередом, а мы наблюдаем.

- Но мы не наблюдатели. Мы создали это.

Оц засмеялся, и она представила, как он покачал невидимой головой.

- У нас была идея. И как уже сказал в своих «Физиках» Дюрренматт: «Все, что человек раз открыл, не может быть больше скрыто». Если мы сейчас остановимся, кто-то другой завершит наш труд.

- Но тогда это будет уже не наша вина.

- Еще как наша. Мы виновны в том, что запустили эксперимент. Если кто-то умрет - а это обязательно случится, - то лишь потому, что мы подали убийцам такую идею. Мы вдохновители зла.

- Но я никогда не хотела этого!

Она так сильно дрожала, что мир вокруг казался смазанным изображением.

- Я не могу с этим жить.

- Боюсь, придется.

- Я тебя умоляю.

- Сделать что?

- Прекратить это.

Он рассмеялся:

- Мы в двух шагах от прорыва. Не могу же я сейчас остановить наш эксперимент. Это как если бы мы выплеснули действующую вакцину, не протестировав ее. Научный coitus interruptus.[2 - Прерванный половой акт (лат.).]

Вакцина.

Слово навело ее на мысль:

- Тогда давай сделаем как Солк.

- Кто?

- Джонас Солк. Победитель детского полиомиелита. Разработанную им вакцину он сначала протестировал на себе.

Молчание.

Видимо, она ошарашила его этой идеей. Похоже, Оц действительно задумался. Она повторила в тишину:

- Сделай как Солк. Возьми нас в качестве подопытных кроликов.

Когда Оц наконец ответил, она не могла поверить, что он действительно согласился.

- Неплохая идея. Записал.

Она кивнула. С облегчением и все равно в страхе. Который усилился, когда Оц продолжил:

- Твое имя уже в списке.

Ее сердце екнуло.

- А ты? Что насчет тебя?

- Я не могу участвовать.

- Почему?

«Трус! Трусливая свинья!»

- Я не такой, как ты.

- И в чем же отличие? – спросила она.

Кроме честности, теплоты и сердца?

- Мне не хочется умирать, – ответил он и повесил трубку.

И после этого больше не объявлялся.

Игнорировал ее звонки.

И ее крики.

Когда перед ней возник парень с газовым баллончиком.

Когда рядом с ее головой разбилось стекло.

Или когда она орала во все горло, в то время как мужчина с мусорным пакетом на голове пытался ударить ее ножом в глаз.

И все это время Оц был рядом. Наблюдал за ней. Подстерегал. Шпионил. В этом она была уверена.

Так же твердо, как и в том, что не существует никакой феи сна.

И что она никогда уже не сможет покинуть клинику, в которой сейчас находится.

Хотя даже доктор Ротх время от времени смотрел на нее так, словно и правда верил в ее историю о Ночи вне закона.

Или он был просто хорошим актером и оставался при своем мнении.

Разве можно на него за это обижаться?

Она сама едва различала, пережила ли все в действительности, или это просто извращенный ночной кошмар.

– Вас к телефону, – повторил шепотом доктор Ротх, который все еще стоял рядом и о котором она совсем забыла, погрузившись в воспоминания.

Наконец взяла у него трубку, спросила:

– Кто это?

Мужчина на другом конце провода назвал ей какое-то чужое имя. Но его голос был настоящим, и у нее вырвался вздох облегчения.

Слава богу. Это он!

Она благодарно улыбнулась своему психиатру.

Хорошо, что послушалась доктора Ротха.

Он оказался прав, когда убедил ее ответить на звонок.

Черт побери, она и не думала, до чего приятно разговаривать с мертвым.

Глава 1

У нас есть пушки, у нас есть стволы.

.....

Мы убиваем чужаков, чтобы не убивать тех, кого мы любим.

Мэрилин Мэнсон. Мы убиваем чужаков

Когда группа людей травит кого-то в Интернете, они не понимают серьезности своих действий. Каждый участвует в этом, потому что все участвуют.

Херберт Шайтхауер, профессор психологии,

Свободный университет Берлина.

«Травля в Ютьюбе. Место для анонимной ненависти» в S?ddeutsche Zeitung,
14.12.2013

Никогда массы не жаждали истины. Они отворачиваются от фактов, которые им не нравятся, и предпочитают возводить на пьедестал заблуждение, если оно способно их обольстить. Тот, кто умеет ввести массы в заблуждение, легко становится их господином, кто пытается просветить – их жертвой.

Гюстав Лебон (1841–1931), французский врач и основатель психологии масс

У Бена дрожали руки.

В этом не было ничего необычного, с ними такое часто случалось. Каждый раз, когда он знал, что снова теряет контроль. Его пальцы были как сейсмограф.

Нервные антенны, сообщающие о землетрясении, которое в очередной раз собьет его с ног.

А ведь сегодня он пришел вовремя, чтобы ничего не испортить. Но, похоже, не получится.

– Мне очень жаль, – сказал Ларс, гитарист его группы, и меланхоличный голос музыканта соответствовал его грустному, как у бассета, взгляду.

Бен неуверенно улыбнулся и указал на ударные, уже кем-то установленные. Том-томы были почищены и протерты. Тарелки блестели в ярком свете отельного бара, как отполированная выхлопная труба новенького мотоцикла.

– Эй, я знаю, в прошлый раз вышла дрянь. Но сегодня вечером у меня получится, – сказал он.

Гитарист, а по совместительству бэнд-лидер, затушил сигарету в пепельнице и с сожалением покачал головой:

– Ничего не выйдет, Бен. Майк сказал «нет».

– Он здесь?

Бен посмотрел на часы. «Нет». Так рано менеджер отеля не появляется. Было 17:20. До начала еще полчаса, но бар уже открылся. Двое пожилых мужчин в серых костюмах и сношенных ботинках весело беседовали за барной стойкой. Парочка пила один на двоих коктейль, устроившись на угловом кожаном диванчике, который выглядел удобным, но на самом деле был жестким, как деревянный.

В этом и состояла проблема отеля Travel Star, расположенного на территории выставочного комплекса рядом с радиобашней. На первый взгляд он производил впечатление дорогого отеля среднего класса. Однако при ближайшем рассмотрении в глаза бросались двухзвездочные отзывы, в которых постояльцы хотя и хвалили дружелюбный персонал, но жаловались на плесень в межплиточных швах в душе.

То, что Travel Star – это вам не Adlon, можно было понять уже по цене – пятьдесят девять евро за ночь. И по тому обстоятельству, что каждый вечер здесь выступали Spiders. Не самая известная в мире музыкальная группа. Даже не лучшая кавер-группа Берлина.

Когда Бен устроился в Spiders барабанщиком, он сам себя ненавидел. Еще четыре года назад он играл собственные рок-песни в клубе Quasimodo. А сегодня должен был радоваться, если пьяная публика не швырнет ему в голову коктейльную вишенку, пока он исполняет YMCA диско-группы Village People. Он превратился в музыкальную проститутку. Ударник, играющий музыку для лифта. Бен даже представить себе не мог, что будет умолять об этой позорной работе. А мог бы и догадаться. Столько раз он думал, что достиг дна, а потом проваливался еще ниже.

– Послушай, мне нужна эта работа. Я задолжал алименты. А ты знаешь, что моя дочь как раз...

– Да, да, знаю. И мне очень жаль Джул, правда. Но даже при всем желании... Ничего не получится. Ты пропускал репетиции, после того как...

– Репетиции? Да что можно репетировать с Kool & the Gang?

– ...после того как во время последнего выступления тебя стошнило рядом с бас-барабаном. Старина, нам пришлось прервать концерт. Ты стоил нам шестьсот евро!

– Это была ошибка, глупая ошибка. Ты же в курсе, что я больше не пью. Просто выдался ужасный день, сам знаешь. Такого больше не повторится.

Ларс кивнул:

– Именно. Такого больше не повторится. Извини, приятель. Мы уже нашли тебе замену.

«Замену».

Через четыре минуты Бен сидел на скамейке недалеко от входа в отель, наблюдал за маневрированием туристического автобуса на близлежащей стоянке и думал, что это была бы неплохая надпись для его надгробного камня:

«Здесь лежит Беньямин Рюман.

Ему было всего тридцать девять лет.

Но не переживайте.

Мы уже нашли ему замену».

Как правило, все происходило быстро. Это был уже четвертый музыкальный коллектив, откуда его уволили. Не считая Fast Forward. Группа, которую он сам основал и из которой ушел – незадолго до того, как она сыграла свой первый хит. Первый из целого ряда хитов. Как раз сейчас Fast Forward на гастрольном туре в США и приглашены в качестве гостя на Tonight-Show в Нью-Йорке.

Последнее интервью, которое давал Бен, было для одного экономического журнала: «Почти известные – люди, едва не ставшие звездами». В той статье его сравнивали с Тони Чапманом. Типом, который в 1962-м сидел на барабанах во время первого официального выступления группы под названием Rolling Stones в лондонском клубе Marquee, а вскоре добровольно ушел.

– Но в моем случае о «добровольно» речь не идет, – громко сказал Бен.

Пожилая дама, которая как раз проходила мимо, испуганно посмотрела на него. За собой она тащила коричневый чемодан на колесиках, и Бен подумал, не помочь ли ей дойти до туристических автобусов. Со лба у нее стекал пот. Неудивительно при такой жаре. В августе в Берлине все реже бывают тропические дни, но сегодня температура даже ночью не опускалась ниже двадцати восьми градусов. Возможно, дождь вскоре принесет прохладу. Небо уже затягивали тучи.

Бен разглядывал практически прямоугольное, рваное по краям облако, которое напоминало ему старый ламповый телевизор с антенной, и неожиданно

почувствовал во рту неприятный привкус дешевого вина. Кисловатый отзвук воспоминания о той ночи, когда он напился перед телевизором – до бессознательного состояния, но не беспричинно.

Бен поднялся со скамьи и принялся искать в карманах брюк ключ от машины – в этот момент он услышал крики.

В них был страх.

Страдание.

Кричала определенно совсем молодая женщина.

Глава 2

Крики доносились с парковки, расположенной по другую сторону улицы Месседамм, прямо у автострады. Огороженная множеством рекламных щитов, улица плохо просматривалась. Лишь когда Бен, ведомый любопытством, преодолел половину пути, он увидел их.

Девушку в юбке в горошек. И мужчину, от которого она убегала.

По крайней мере, старалась убежать, но не смогла, потому что преследователь, здоровенный амбал в кедах, схватил ее за длинные черные волосы и грубо дернул назад.

Жертва снова испустила пронзительный крик. Она покачнулась и упала на землю, прямо рядом с вагончиком, который вместе со строительной техникой блокировал почти всю парковку. Все это стояло здесь из-за крупной стройки на Кайзердамм, где возводили новый автомобильный гараж. В результате чего на обычно оживленной парковке сейчас не было ни души.

– Эй! – крикнул Бен и, не раздумывая, перешел через дорогу. Его окрик заглушил туристический автобус, который засигналил у него за спиной.

Обидчик заставил девушку встать перед ним на колени. Снова схватил ее за волосы и запрокинул голову. Потом влепил ей пощечину, от которой у девушки слетели очки.

– Эй! – снова крикнул Бен и побежал.

Амбал даже не поднял глаз, когда Бен настиг его. Нисколько не смущаясь, он плюнул девушке в лицо.

Одновременно свободной рукой вытащил какой-то предмет из кобуры, которую носил на поясе джинсов.

«Проклятье».

В первый момент Бен подумал, что это нож, и ждал, что сейчас блеснет лезвие.

Он уже представлял, как нож полоснет по шее девушки, и кровь сначала хлынет на ее белую блузку с рюшами, а потом на асфальт. Но налетчик, видимо, планировал ударить ее в лоб.

– Отпусти ее! – крикнул Бен.

– Что?

Мужчина поднял глаза, и только тут Бен понял, что это вовсе и не мужчина. Скорее подросток, хотя и здоровяк, но не старше восемнадцати.

Однако это не играло никакой роли. Всего лишь на прошлой неделе один пятнадцатилетний паренек до комы избил туриста на Алексплац.

– Хочешь присоединиться? – спросил он Бена, который сейчас рассмотрел, что парень держит в руке не нож, а черный фломастер. Станным образом он как будто обрадовался, что ему помешали, потому что рассмеялся и подозвал к себе Бена. – Да ладно, шлюхе это нужно!

У него были короткие коричневые волосы, сквозь которые просвечивала кожа, и футболка с надписью Hard-Rock-Cafe. Она не до конца прикрывала белый

шелушащийся живот, который колыхался, как дохлая рыба, над его джинсами. Из-за низкого голоса он казался на год-два старше.

Пожалуй, все-таки ему уже двадцать.

В любом случае он был старше, чем девушка в юбке в горошек. На ней были белые балетки, одну из которых она потеряла, убегая. Бен не был уверен, но ему показалось, что видел у девушки брекеты, когда она кричала.

- Ну, тогда просто смотри, старик.

Парень самоуверенно отвернулся от Бена и снова обратил внимание на свою жертву, стоящую на коленях.

- Надеюсь, Диана вытянет потом твое имя, шлюха!

Бен тщетно попытался понять, что имеется в виду.

Девушка скулила с закрытыми глазами, пока парень что-то писал у нее на лбу.

- Отпусти ее! - сказал Бен. Тихо. Угрожающе.

Рыбье Брюхо засмеялся. Пот стекал ему в прищуренные глаза, когда парень еще раз обернулся к Бену, не выпуская волосы плачущей девушки.

- Эй, старик, расслабься. Все в порядке, о'кей?

Бен и бровью не повел. Не стал терять время на крутые фразы или уговоры. Он был абсолютно спокоен. Ринулся вперед и сломал парню нос.

По крайней мере, такой был план.

Правда, оказалось то, что он уже два года не видел спортзал изнутри, и его кулак даже не попал в цель.

Рыбье Брюхо выпустил волосы девушки, сделал шаг назад и нанес Бену боковой удар в печень.

Воздух вышел у Бена из легких, как из лопнувшего шарика.

– Снова началось... – услышал он чей-то голос, падая на землю.

Хлопнула дверь машины, и Бен понял, что к Рыбьему Брюху идет подкрепление.

Глава 3

«Нам нужно поговорить, папа! Срочно!

Мне кажется, ты в опасности!»

Сильный удар, от которого у него потемнело в глазах, что-то оживил в голове – а именно мысль о последнем сообщении Джул на автоответчике. Словно это воспоминание было листочком, который под силой удара отклеился от стены его памяти и сейчас медленно опускался вниз.

В то же время Бен боялся совсем потерять сознание. Еще один толчок или удар – и ему придется наблюдать за миром между автобаном и центральным автобусным вокзалом из положения «на боку».

Пока что он последовал за девушкой и опустился на колени. Начал откашливаться в согнутом положении. Воздух, который он рывками втягивал в свои горящие легкие, отдавал пылью и горячей резиной.

Он услышал, как хлопнула еще одна автомобильная дверь. Еще шаги. Подкрепление Рыбьего Брюха росло.

Положение Бена становилось настолько плохим, что он чуть было не рассмеялся.

«Я – и разыгрываю героя?»

Как и многое в его жизни, это тоже оказалась плохой идеей.

Девушка ему не поможет, даже если они сейчас от нее отстали. Она была маленькая и худенькая и с трудом находила силы, чтобы принять вертикальное положение.

Но наверняка у нее есть сотовый.

Может, она позвонит в полицию?

«А если...»

Бен не мог полагаться на чужую помощь. Он должен был сам одолеть нападающего. Как-нибудь. Если у него это получится, остальные разбегутся.

Они всегда так делали.

Он достаточно много играл на фестивалях, где пьяные подростки искали ссоры с распорядителями, и видел немало бесчинствующих подельников, которые разбегались во все стороны, как только их предводителя обезвреживали. Что касается сил, сейчас Бен был еще меньше способен на это, чем раньше.

Он почувствовал над собой тень и поднял руку, инстинктивно пытаясь защититься.

– Да просто рефлекс сработал, – объяснял кому-то Рыбье Брюхо.

Затем двери автомобилей снова хлопнули, затарахтел мотор, и в лицо Бену ударило теплое выхлопное облако.

«Они хотят меня переехать, – подумал он и поднял голову. Открыл глаза. Попытался разглядеть номерной знак внедорожника, понял бесполезность затеи. – Как будто это что-то даст, если они тебя раздавят...»

Но автомобиль ехал в другую сторону. Назад. Прочь от него.

Удивленный, Бен обернулся к девушке, которая поднялась и отряхивала юбку от дорожной грязи. Она плакала.

- Эй, малышка, - позвал Бен как можно мягче.

Потом встал и осторожно подошел к ней, как обычно подкрадываются к недоверчивой кошке.

Вблизи Бен заметил, что возраст ее сложно определить.

У девушки была фигура четырнадцатилетней, но глаза казались старше его собственных. Как будто видели уже столько плохого, что хватит на целую жизнь.

Они казались темными пробоинами на в общем-то хорошеньком лице с небольшим курносом носиком, слегка потрескавшимися губами и высоким лбом, на котором было достаточно места для черной цифры, которую фломастером вывел Рыбье Брюхо.

Немного смазанная, с не до конца прописанной петлей, но легко узнаваемая восьмерка.

- Почему он это с тобой сделал? - спросил Бен.

Он вытащил из кармана сотовый и размышлял, звонить ли в полицию. Вообще-то ему не очень хотелось. Номер 110 не был у него в фаворитах, особенно с тех пор, как предыдущий арендодатель заявил на него из-за неуплаты. Вот почему он не имел постоянного места жительства и передавал жене алименты наличными. Его банковский счет был в таком минусе, что служащим приходилось менять красный картридж в принтере после каждой распечатки его выписки со счета.

- А, проклятье, - были первые слова девушки.

Она дрожала всем телом, что неудивительно после всего пережитого. Бен хотел протянуть ей руку. Обнять и сказать, что все будет хорошо. Но не успел, потому

что девушка стерла восьмерку слюной Рыбьего Брюха, которая осталась у нее на лице, и закричала на Бена:

- Вот дерьмо! Теперь ты должен мне сотню евро!

Глава 4

- Public... что?

- Disgrace. Public disgrace. - Она выругалась, вытащила изо рта зубную скобу и бросила ее на землю, рядом с очками, которые были сбиты с ее лица.

Потрясенный, Бен наблюдал за чудесным превращением.

Неуклюжая девушка стала молодой женщиной. Жертва - свирепой фурией.

«Публичное унижение», - мысленно перевел Бен, но так и не понял, что она пыталась ему объяснить.

- Ты добровольно позволяешь так с собой обращаться? «Публично?»

Ветер доносил с автодорожного моста звуки ускоряющегося мотоцикла.

- Это такая садомазо-игра, - объяснила она ему, выделяя каждое слово, словно разговаривала с глухим. - Никогда не слышал?

- Нет, мне очень жаль. Видимо, у меня пробел в образовании.

- Я заметила.

Бен знал, что есть люди, фантазирующие об изнасилованиях, и подозревал, что порноиндустрия удовлетворяет этот спрос с помощью постановочных фетиш-видео, которые снимают на какой-нибудь парковке как бы случайно. Просто он никогда не думал, что придется невольно сыграть в таком фильме

второстепенную роль.

- А у тех в машине была камера?

- Да. И они смотались с моими деньгами, потому что ты испортил съемки, говнюк.

Бен потерял то место, куда его ударил Рыбье Брюхо, и теперь сам разозлился.

- О'кей, я понимаю, что вы не можете получить официального разрешения на такие съемки. И я абсолютно точно не ханжа. Это свободная страна, каждый живет так, как ему нравится. Но, черт побери, что все это значит с восьмеркой? Это какой-то опознавательный знак или что?

Она пожала плечами:

- Это была идея чокнутого режиссера. Хотел воспользоваться шумихой вокруг Ночи вне закона, [3 - В немецком языке слова acht (восемь) и Acht (объявление вне закона, опала, изгнание) являются омонимами.] для рекламы.

Женщина взглянула на часы на запястье и вдруг занервничала.

- Мне нужно домой, - сказала она и отвернулась. - Меня дочка ждет.

- Погоди. Ночь вне закона?

Бен уже где-то слышал это слово. Его звучание затронуло в самом дальнем уголке мозга какую-то струну, которая зазвенела высоко, светло, еле слышно.

- Что означает Ночь вне закона? - спросил он женщину, которая уставилась на него, словно не знала, издевается он над ней или просто слабоумный.

- Старик... - спросила она, качая головой, - на какой планете ты вообще живешь?

Глава 5

- Привет, папа!

Джул подбежала к нему. С растрепанными волосами, как тогда, во время совместного отпуска на острове Йюст. Смеясь и едва не споткнувшись о собственные длинные ноги, дочь со всего размаха упала в его объятия. Прижимая ее к себе, Бен слышал, как бьется ее сердце.

- Привет, малышка, - сказал он.

- Ты же хотел навестить меня только завтра.

- Ты не рада?

- Конечно, рада. Но ты выглядишь уставшим. У тебя был тяжелый день?

- Даже не спрашивай.

«Сначала меня уволили, потом избili».

- Я так по тебе соскучился, - сказал он с закрытыми глазами и, как всегда, когда был с Джул, попытался отключиться от внешнего мира. От гула голосов в коридоре, запаха дезинфицирующих средств, звуков работающего аппарата искусственной вентиляции легких.

Тщетно.

С каждым разом ему все реже удавалось забыться, сидя у больничной кровати. Обычно хватало жужжания гидравлических дверей в коридоре, чтобы он пришел в себя. Зазвонивший сотовый вернул его в реальность - реальность, в которой его девятнадцатилетняя дочь никогда уже не сможет ходить.

Даже если выйдет из искусственной комы, в которой она пребывает уже почти неделю.

– Привет, Дженни, – поприветствовал Бен свою скоро уже бывшую жену. – Подожди минутку.

Он отложил сотовый в сторону, поцеловал Джул и поднес ей к носу платок. В туалете для пациентов Бен сбрызнул его своим терпким одеколоном, который раньше так нравился Джул. Говорят, ничто не воздействует на мозг так быстро и целенаправленно, как знакомый запах. Возможно, это поможет ей проснуться.

– Радуйся, что сегодня ты осталась в постели, – попытался пошутить он. – У меня такое чувство, что весь мир сходит с ума. Наверное, это из-за полнолуния.

Потом он взял с подушки телефон.

– Что случилось?

– Ты у нее?

По десятибалльной «шкале взволнованности» голос его жены достигал отметки «двенадцать».

– Да, а ты где?

С тех пор как шесть дней назад Джул привезли в больницу, ее мать почти не покидала палату.

– В пути, – ушла она от ответа, что удивило Бена. Они жили отдельно, но сохраняли дружеские отношения. Возможно, даже чуть больше.

Бен убрал прядь светлых волос с неподвижного лица Джул. Даже после предполагаемой попытки самоубийства она была все такой же красивой, как ее мать, и многочисленные трубки и зонды в ее теле ничего не меняли.

Каждый раз, когда вот так смотрел на нее, Бен роптал на отсутствие божьей справедливости. Иначе все эти желудочные зонды и катетеры для мочевого пузыря торчали бы из его тела, а не из тела его дочери. Все-таки это он был виноват в том, что неделю назад она пыталась покончить с собой.

Все было бы по-другому, возьми они четыре года назад такси. Но Бен обожал свой только что приобретенный «карманн-гиа» – красный кабриолет «фольксваген» шестидесятых годов – и ездил на нем при любой возможности. К сожалению, и в тот день тоже.

Джул присутствовала на записи в студии «Ханза», и он обещал Дженни, что они вовремя успеют домой к ужину. Так и получилось, что Джул сидела впереди, а Джон-Джон втиснулся на заднее узкое сиденье «олдтаймера».

Джон-Джон, которого вообще-то звали Ульф Бокель, был новым менеджером Fast Forward и обещал по-настоящему заявить об их группе. Он финансировал новый студийный альбом и поэтому был самым главным в их коллективе.

В первый раз Бен решил, что это случайность, вероятно, как и Джул, у которой от неожиданности и удивления отвисла челюсть.

Во второй раз Бен вышел из себя.

– Ты, мерзкая скотина! – закричал он и на Ляйпцигерштрассе обернулся назад. К нагло ухмыляющемуся менеджеру, который поднял руки в извиняющемся жесте. Как будто могло быть какое-то извинение тому, что он только что трогал грудь его пятнадцатилетней дочери.

– Эй, да я просто пошутил, – сказал Джон-Джон, потом закричала Джул, но было уже поздно.

Пытаясь не сбить молодую мать с коляской на переходе, Бен крутанул руль влево. На встречную полосу. До сегодняшнего дня неясно, Джул ли не до конца защелкнула ремень безопасности, или Джон-Джон расстегнул его во время своих приставаний. Во всяком случае, Джул выбросило из машины, когда они лоб в лоб столкнулись с «мерседесом».

– Чудо, что она осталась жива, – сказали позже врачи. И сунули ему в руки брошюру, как обращаться с тяжелобольными детьми.

Джул пришлось ампутировать обе ноги по колено.

У Бена была сломана ключица, у Джон-Джона, к сожалению, только бедро. Еще на больничной койке он сумел выдворить Бена из группы. Он убедил остальных, что Бен чертов сумасшедший, который ни с того ни с сего психанул в машине, и не годится для их музыкальной группы. На что Бен поставил своих музыкантов перед выбором: или вы дальше работаете с этим преступником, или встаете на мою сторону.

Его «верные друзья» недолго колебались. Они выбрали парня с деньгами на альбом и бросили Бена. Вот так просто все иногда бывает.

Дженнифер была в тот момент слишком шокирована, чтобы оставить его. Даже когда на следующий день к ней заявили из службы опеки и хотели знать, вели себя Бен когда-то неподобающим образом с их дочерью. Потому что незадолго до первой операции Джул сказала врачам: «Он трогал меня».

Недоразумение, которое, к счастью, не попало в прессу. Позже, когда открыла глаза и не нашла своих голеней, Джул отказывалась что-либо вспоминать.

Тот факт, что дочь никогда не винила его в своем состоянии, поначалу поверг Бена в почти шизофренический порочный круг эмоций. С одной стороны, он ненавидел себя за несдержанность и в самые мрачные часы, сразу после несчастного случая, даже подумывал о том, чтобы покончить со своей неудавшейся жизнью. С другой стороны, именно беззаветная любовь Джул запрещала ему что-либо с собой делать, а это, в свою очередь, вело к тому, что он ненавидел себя еще сильнее, потому что не заслуживает такой любви, в чем был совершенно уверен. А теперь, спустя четыре года после аварии, она сама пыталась покончить с собой.

– Что-то изменилось?

– Что? – Бен так глубоко погрузился в мысли, что почти забыл о Дженни. – Прости, что ты сказала?

– Я хотела знать, как продвигается фаза пробуждения, – сказала Дженнифер, и в ее голосе снова прозвучало легкое вибрирование, которое он так любил.

Она не вышла снова замуж, и, насколько он знал, у нее даже не было постоянного друга, чего он не мог понять. Женщины, как Дженни, обычно не

остаются долго одинокими. Высокая, стройная, светловолосая, и при этом совсем не дешевка. Макияж, искусственные ногти и пушاپ-бюстгальтеры были нужны ей так же, как Биллу Гейтсу – консультант по долгам. Что еще важнее: у нее было доброе сердце. В любом случае гораздо добрее, чем у него самого, иначе она бы не поддерживала его так долго, даже после расставания, когда он не мог привести в порядок свою жизнь.

– Врачи уверяют, что все в норме. Она долго находилась в искусственной коме, Дженни. Нужно время, чтобы она смогла проснуться после наркоза. Как там говорят? Постепенное уменьшение дозы медикамента до полного прекращения.

– Но так долго?

– Да. Это просто чудо, что Джул так хорошо перенесла операцию и больше не нуждается в седации. Врачи настроены оптимистично и считают, что у нее не останется необратимых повреждений.

«Новых необратимых повреждений».

– Хм, – произнесла Дженни неуверенно и одновременно рассеянно. – Разве у тебя сегодня не должно быть выступления? – спросила она.

– Я решил, что лучше проведу время с Джул.

– Не обманывай меня, – сказала Дженни, и в ее тоне не было недружелюбия или нравоучительности.

Они уже два с половиной года жили отдельно, но он все еще не мог обвести ее вокруг пальца. Дженни реагировала на малейшие колебания в его голосе и всегда знала, как он себя чувствует и говорит ли правду.

– Ну ладно, у меня опять ничего не вышло. Но не беспокойся, деньги на содержание я тебе дам. Еще в этом месяце, обещаю.

Косые лучи позднего вечернего солнца падали в окно. Кондиционер, если он вообще здесь был, работал неправильно. У Бена было чувство, что внутри одноэтажной постройки еще жарче, чем снаружи.

Он подошел к окну, чтобы приоткрыть его, и посмотрел на центральную аллею клиники «Вирхов» в Веддинге. Эллипс с односторонним движением, в центре – пешеходная зона, усаженная деревьями. «Кудамм[4 - Кудамм (Курфюрстендамм) – одно из престижнейших мест Берлина, улица дорогих магазинов.] на костылях», как метко назвал ее один санитар. Вместо бутиков «Гуччи» и «Шанель» здесь в ряд расположились различные отделения университетской клиники. А вместо покупателей с пакетами по тротуару плелись пациенты с передвижными капельницами.

– Забудь про деньги, – услышал он Дженни. Она всегда это говорила, когда он упоминал их, хотя как помощница адвоката она едва зарабатывала на аренду квартиры и продукты. Бен знал, что она откладывала каждый цент – и не на отпуск, велнесс или парикмахера, а на протез абсолютно нового поколения, который разработали в США с участием специалистов по космическим и нанотехнологиям. Революционное, умное и компьютеризованное изобретение весило меньше трети тех протезов, которые оплачивала страховка, и стоило целое состояние. – Но я звоню не поэтому.

– Тогда почему?

– Я хочу, чтобы ты приехал сюда.

В голосе Дженни снова появилось волнение. Возможно, оно никуда и не пропадало. До этого Бен не очень концентрировался на разговоре. Сейчас все изменилось.

– Ты где? – спросил он во второй раз и наконец получил ответ.

– В квартире Джул.

– Это еще зачем?

– Я не уверена, возможно, ты прав и все совсем не так, как кажется.

Бен прижал трубку к уху, словно держал в руке не телефон, а губку. Костяшки его пальцев побелели.

– Ты понимаешь, что говоришь? – Его сердце словно сжали в кулаке.

– Да. – Дженни сделала паузу, которой все было сказано. – Возможно, Джул все-таки не пыталась убить себя.

Глава 6

Дженнифер открыла ему, взгляд ее беспокойно метался. Казалось, она размышляла, не обнять ли его в знак приветствия, но лишь потрепала по плечу и спросила:

– Ты летел, что ли?

Для того чтобы добраться от Веддинга до Далема, в удачные дни требуется полчаса. По автотрассе «Авус» Бен домчал за двадцать минут.

С чувством, что делает что-то запретное, Бен вошел в студенческую квартиру на Гариштрассе. В современном пятиэтажном доме Джул занимала квартиру на первом этаже, в которой еще немного пахло краской, герметиком и свежим деревом.

Это было царство Джул. Здесь она хотела обрести самостоятельность и независимость. Прочь из заботливой продуманной тесноты квартиры в Кёпинеке, которая после аварии была полностью переделана: широкие дверные проемы, выключатели, которыми можно пользоваться сидя, откидное сиденье в душе, многочисленные поручни, рампы в подъезде и многое другое. В создание безбарьерной среды было инвестировано много времени, кредитных денег и дотаций, но почти все это оказалось ненужным. Потому что Джул с самого начала могла неплохо передвигаться на костылях, а позже на протезах. Новые знакомые иногда даже не замечали, что у нее искусственные ноги.

Инвалидным креслом она пользовалась в исключительных случаях. Когда была без сил, когда протезы причиняли боль или, например, когда после гриппа чувствовала себя слишком слабой, чтобы передвигаться самостоятельно.

В итоге перестроенная родительская квартира стала тяжелым напоминанием. Каждый временно приспособленный порог, прикрученный поручень ежедневно и постоянно напоминали Джул о том, что изначально квартира была задумана совсем для другого подростка. Для девочки, которая поздно вечером захочет улизнуть к подружкам; смеясь, танцует перед зеркалом в ванной комнате или со всей злости пинает дверь, когда родители отказываются говорить ей новый пароль от беспроводной локальной сети, пока она не сделает домашние задания.

Когда после окончания средней школы Джул показала им рекламную брошюру университетского городка, Бен и Дженнифер смогли понять ее воодушевление, несмотря на всю свою озабоченность.

Студенческое общежитие в Далеме предоставило людям с ограниченными возможностями собственные здания, с безбарьерными квартирами, в которых было продумано все – от регулируемой мойки до низко расположенной духовки.

Дома для колясочников, как называла их Джул. Сама будучи одной из них, она могла шутить на эту тему.

Ее тогдашнее замечание – «Я должна наконец встать на ноги» – рассмешило даже Бена. А на его возражение, что квартира на первом этаже подходит скорее парализованному, чем тому, кто научился обходиться в повседневной жизни без кресла-каталки, она грустно взглянула на него и затем сказала:

– Эта квартира для калеки. А я калека.

Но прежде чем Бен и Дженни успели запротестовать, она смягчила свои жесткие слова шуткой:

– Кроме того, она в пешей доступности от юридического факультета.

Долгое время Бен думал, что юмор поможет Джул лучше любого врача или психолога. Курс психотерапии, который она прошла вначале, должен был предотвратить или, по крайней мере, смягчить приступы депрессии, часто случающиеся у людей после подобных травм. И казалось, что все идет успешно.

Пока шесть дней назад Джул не решила броситься с крыши своего студенческого общежития.

Или все-таки нет?

– Здесь есть что-нибудь выпить? – спросил Бен, посмотрев на холодильник, и поймал на себе сердитый взгляд. – Я имел в виду воду, – добавил он.

После того как они разъехались, Бен часто набирался до бессознательного состояния и не раз оставлял на автоответчике пьяные невнятные сообщения. Но вот уже больше года, как он держался, за исключением дня годовщины аварии. И срыва после попытки самоубийства Джул, который стоил ему сегодня работы.

Дженни подставила стакан под кран в мойке, но вода не текла.

– Ты должна сначала включить свет над плитой, – напомнил Бен об изъёме новостройки.

Электрик каким-то образом умудрился соединить установку для удаления накипи с подсветкой вытяжной трубы, и без электричества из крана только капало. Управляющий домом обещал устранить проблему самое позднее до конца следующего месяца. Похоже, на электрике вообще сэкономили, потому что дверной звонок тоже время от времени не работал.

Дженни тем временем наполнила стакан и подала его Бену, оба сели за кухонный стол. Отсюда через открытую кухню открывался красивый вид: в одну сторону – на гостиную, в другую, через стеклянную заднюю дверь, – на сад; при условии, что жалюзи не закрыты, как сейчас.

Это было любимое место Джул, здесь она готовилась к занятиям в университете и болтала в интернет-чатах. Бен с горечью взял ее ноутбук и сунул его в ящик кухонного стола, где Джул хранила старые счета, открытки, ручки, ластик, клейкие листочки для заметок, а также запасной газовый перцовый баллончик. После того как в метро участились нападения неонацистов на инвалидов, какое-то время она не выходила из дома без баллончика.

Не очень похоже на того, кому безразлична собственная жизнь.

Бен задвинул ящик, сделал большой глоток и вытер пот со лба. Жилой комплекс находился в парке, в тени старых кленов. И все равно даже хорошо защищенная от солнца новостройка нагрелась за последние дни.

Душная погода сказывалась и на Дженни. Капля пота сорвалась со лба, скатилась по крохотному шраму на шее, который остался после несчастного случая на игровой площадке в детстве, и пропала между ее небольшими аккуратными грудями. Хотя глаза Дженни говорили об утомительном дне, сама она пахла медом и летним лугом. Но, возможно, Бен просто очень сильно желал этого, так же как и поменяться местами с той каплей пота.

– Расскажи мне еще раз, как все было, когда ты ее нашел, – услышал он голос Дженни, и приятное чувство, которое только что испытывал при виде своей бывшей жены, тут же пропало.

Глава 7

– Ну, я открыл дверь и...

– Нет! – Дженнифер покачала головой. – Начни, пожалуйста, сначала. Она пропустила контрольный разговор, верно?

Бен кивнул, хотя предпочитал называть это «рутинный звонок».

Они условились с Джул, что она будет звонить ему раз в неделю. День недели и время были всегда разные. В ту роковую ночь они договорились на восемь вечера. Хотя в квартире было множество тревожных кнопок, напрямую подключенных к службе спасения, Бен хотел слышать по голосу Джул, как у нее дела.

Вначале Джул немного противилась – ведь, съехав, она как раз хотела добиться самостоятельности. И «электронный браслет» как-то не вписывался в концепт. В конце концов она согласилась ради сохранения мира и даже нашла свои плюсы в такой регулярной еженедельной сводке новостей: в качестве ответной услуги за восстановленное душевное спокойствие отца она могла попросить его

дождаться слесаря на следующий день или принять почтовую доставку, пока сама Джул будет в университете. Сделка, на которую Бен шел с большим удовольствием.

Наверное, можно было подумать, что переезд Джул затронул его не так сильно, как Дженни, потому что он все-таки уже давно не жил с ними под одной крышей.

Но раньше Бен знал, что его дочь в безопасности под присмотром своей матери, самого надежного человека во Вселенной. После того как Джул съехала, ему казалось, что она постоянно в опасности.

В кошмарах он представлял свою любимицу беспомощно лежащей на полу. Пытающейся ползти на руках и культиях. Больной или раненой. В обмороке или в полном сознании, находящейся во власти преступника. Преследуемой фальшивыми друзьями и настоящими врагами. Мужчинами, которые пользовались ее незащищенностью.

Бен прокручивал в голове много ужасных сценариев. Как ни странно, среди них не было того, в котором Джул просто не захочет больше жить и покончит со своим существованием.

Она поэтому захотела въехать в собственную квартиру?

В многоквартирном доме с лифтом и плоской крышей?

Неужели это с самого начала было частью ее плана?

– Было начало девятого, а она все еще не позвонила, – повторил Бен то, что уже много раз говорил своей жене. Но сегодня Дженни впервые по-настоящему хотела его слушать. Ранее она всегда ясно давала понять, что его фантазии на тему заговора ее не интересуют.

– Пожалуйста, Бен, не пытайся обмануть себя! Она сама это сделала. И она так хотела!

Дженни никогда не говорила прямо «Признай свою вину!», но это было и не нужно. Он и так понял: «Ты виноват, что наша дочь ненавидит свое тело и свою жизнь. И ты также виноват в том, что она захотела положить всему этому конец».

Бен прочистил горло, сделал еще один глоток воды и продолжил:

– Обычно я даю ей полчаса. Иногда она еще сидит на каком-нибудь семинаре. Или задерживается на работе в мастерской сотовых телефонов.

Дженни невольно поморщилась. Ей не нравилось, что Джул приходилось зарабатывать ремонтом телефонов. Она хотела, чтобы дочь полностью сконцентрировалась на изучении права.

– Но у меня появилось странное чувство, поэтому я поехал в ее район. И позвонил еще раз.

– Но она не подошла?

– Именно. Я попытался через WhatsApp, но она была офлайн.

А это уже странно. У Джул была настоящая зависимость от смартфона. Возможно, иногда ей не хотелось разговаривать, но она всегда была в сети.

– И потом пришло сообщение?

Бен сглотнул.

«Папа, пожалуйста, помоги...»

Для Бена это был крик о помощи.

Для следователей тоже, но они считали, что это крик самоубийцы, которая хочет привлечь внимание к своей попытке суицида.

– Я получил эсэмэску, когда был буквально за углом. Через минуту я уже стоял перед ее дверью.

– Разве ты не говорил, что она была заперта?

– Ты же знаешь, я был в панике, потому что Джул не подходила к телефону. Не реагировала на звонок и стук. Я просто повернул ключ. Один, два раза? Возможно, дверь была просто прикрыта, без понятия.

– И потом вошел внутрь?

Он кивнул.

«Нам нужно поговорить, папа. Срочно! Мне кажется, ты в опасности».

В то утро Джул оставила ему на автоответчике это сообщение. Он прослушал его гораздо позже и решил, что во время вечернего звонка как раз и выяснит, почему она беспокоится за него.

Это обстоятельство тоже не вписывалось в общую картину и усиливало его чувство вины. Неужели все, что случилось, имело к нему какое-то отношение?

Дженни взяла его за руку, и Бен закрыл глаза. Ее чисто дружеский жест не значил того, чего хотел Бен. Но это придало ему сил описать свои воспоминания и не расплакаться.

– В квартире было так тихо, – прошептал он.

Слишком тихо.

Он мысленно снова перенесся в тот день, 2 августа, и уже не слышал ничего, кроме белого шума в ушах.

Музыка помогала Джул не чувствовать себя одиноко. Когда была дома, она всегда запускала плей-лист на ноутбуке. Beatsteaks, Goo Goo Dolls, 30 Seconds zu

Mars, Biffy Clyro. Преимущественно рок. У них был одинаковый вкус.

Но в тот вечер в квартире царила мертвая тишина, хотя Джул была дома. Бен понял это по связке ключей, которая аккуратно висела на крючке рядом с дверью.

– Джул? – позвал он, и уже тогда в его голосе звучал страх. У него заложило уши, словно он сидел в самолете, который попал в воздушную яму.

Затаив дыхание, он шел на свет.

Задняя дверь на кухне, ведущая во внутренний двор, была открыта.

«Как приглашение на праздник по случаю убоя свиньи», – еще подумал он, сам не зная, как такая больная мысль пришла ему в голову. Возможно, его мозг уже предвосхищал картинки, которые вскоре откроются взгляду.

Опрокинутое инвалидное кресло. Погнутое, лежащее на земле. Как и Джул. На животе, с нелепо вывернутыми руками, головой в грязи, словно одним ухом она прислушивалась к подземным звукам. Из рта текла кровь.

И еще ее глаза.

Один глаз, который видел Бен, когда медленно подходил к Джул. Глаз взывал к Бену. Мучительно, жутко и все равно беззвучно, как человек на картине Эдварда Мунка.

«Она спрыгнула, когда я выходил из машины?»

Бен застонал, бросился к Джул, опустился рядом с ней на колени и не решался дотронуться до нее. Он даже не хотел касаться ее блузки, перепачканной кровью, которая текла откуда-то из раны на ее теле.

Впоследствии Бен не мог сказать, как мобильный телефон оказался у него в руке и как он сумел позвонить в службу спасения.

– Ты к ней не прикасался?

Вопрос Дженни вернул его в реальность. Бен открыл глаза и сделал еще один глоток из стакана.

– Я не знал, что делать. Я думал, что могу только навредить, если буду ее двигать.

Врачи службы спасения позже хвалили его за эту осмотрительность, а он был просто парализован от шока.

– О'кей, а теперь объясни мне, почему ты сомневаешься в заключении судебно-медицинской экспертизы?

Он вздохнул.

– Ну, с чего мне начать? Открытая бутылка водки на журнальном столике? Я тебя умоляю. Джул ненавидела алкоголь. Даже в Новый год отказывалась от шампанского. Она бы ни за что не купила эту бутылку.

– Только если не решила выпить для храбрости.

– Чтобы затем сесть в инвалидное кресло, подняться на лифте на крышу и броситься с пятого этажа вниз?

К счастью, несколько ночей накануне шел дождь, и земля размякла. Предположительно, это спасло ей жизнь.

У Джул был перелом основания черепа и внутренние повреждения. И отек мозга – поэтому ее и ввели в продолжительную кому. Но операция прошла успешно, и врачи давали положительные прогнозы, что она уже скоро и, как они надеялись, без осложнений выйдет из искусственной комы.

– Зачем Джул все так усложняет и скатывается вниз? Она же могла просто прыгнуть на своих протезах.

Дженни помотала головой.

– Ты же знаешь, эти штуки были ей часто в тягость. И возможно, сев в инвалидное кресло, она хотела подать какой-то знак.

Дженни снова играла Адвоката Дьявола.

– Судебно-медицинская экспертиза однозначна.

– Она ошибочна, – заявил Бен, не имея ни одного доказательства.

Даже высокая концентрация опиоидов в крови Джул не позволяла судмедэкспертам говорить о злонамеренном постороннем воздействии, потому что врач скорой помощи поставил ей еще на месте антидот.

– Она прыгнула не по своей воле, – настаивал Бен, несмотря на все доказательства обратного.

Дженни не закатила глаза, как раньше, когда он ей противоречил, и Бен продолжил:

– Если Джул якобы выпила для храбрости, как ты говоришь, тогда почему у нее в крови не нашли следов алкоголя?

– Ты не знаешь, сколько времени прошло, – ответила Дженни. – Между тем как она напилась и прыгнула. И когда взяли кровь на анализ. Джул оперировали несколько часов, возможно, все уже вывелось из организма.

Бен закусил нижнюю губу.

«Нет, нет, нет!»

Все это не вязалось. Джул, которая не переносила алкоголя и считала письма-рассылки и сообщения WhatsApp ужасно безличными, должна была попрощаться именно таким образом? С помощью начатой бутылки водки на столе вместо прощального письма?

– О'кей, сейчас твоя очередь, – сказал Бен. – Я думал, ты веришь полиции. Почему ты вдруг засомневалась в официальной версии?

До настоящего момента Дженнифер сопротивлялась каждому его аргументу. Даже когда он показал ей билет на постоянную экспозицию в Медицинско-историческом музее, который Джул купила в Интернете и который лежал распечатанный на ее письменном столе. Датированный следующим днем после ее предположительной попытки самоубийства.

Какое-то время Дженнифер словно смотрела сквозь Бена, как будто сомневалась, стоит ли посвящать его в тайну. Наконец она развернула потрепанный листок бумаги, который, видимо, достала из кармана брюк.

Это была распечатанная копия моментального фотоснимка. Немного выцветшая, что могло быть связано с цветным принтером, и вся в пикселях, как швейцарский сыр с дырками. Но это ничуть не умаляло беззаботной радости на лице Джул. Она смеялась в зеркало и фотографировала свое отражение на сотовый телефон.

У себя в ванной комнате!

Желудок Бена сжался.

– Откуда у тебя это?

– Они нашли снимок на телефоне Джул.

Бен приподнял одну бровь.

– Наконец-то отремонтировали?

Сотовый телефон лежал рядом с Джул во дворе. Дисплей разбился, корпус раскололся. Бен отнес его в ремонтную мастерскую мобильных телефонов на Штеглитцер-Шлосштрассе, где до последнего работала Джул, но там сказали, что ничего нельзя сделать и нужно отослать телефон производителю.

– Нет. К тому же без пароля это бесполезно. Все учетные записи Джул зашифрованы, как и ее ноутбук, который мы тоже не можем взломать.

Дженнифер была права. Джул была помешана на технике. Еще в детстве она разбирала и собирала калькуляторы, чтобы понять, как они работают. На свой седьмой день рождения вместо кукол она пожелала конструктор «Юный физик». Позже была единственной в кругу друзей, кто предпочитал программировать компьютерные игры, а не играть в них, поэтому все удивились, когда после школы она захотела изучать юриспруденцию, а не информатику или машиностроение. Но, видимо, ее выраженное чувство справедливости было еще сильнее, чем страсть к технике.

- Тогда откуда у тебя это фото? - спросил Бен.

- Им удалось считать данные с микрокарты памяти. На ней сохранились незакодированные фото. Вот, ты только взгляни сюда...

Дженни ткнула пальцем в правый верхний угол. Так как дверь в ванную была открыта, в зеркале отразились и некоторые части гостиной.

- Это журнальный столик Джул. И что?

Бен сначала не понял, на что она намекает, и принялся тереть себя за мочку уха. Но потом вдруг увидел. Вытаращил глаза. Листок задрожал в его руке.

- Когда была сделана эта фотография?

Дженнифер кивнула, словно только и ждала этого вопроса, и перевернула снимок.

2.08, 19:57.

Господи.

Этого не может быть!

У Бена защипало в глазах.

Как такое возможно?

За несколько минут до того, как написать ему прощальную эсэмэску, Джул смеялась.

Перед самой смертью Джул была еще в хорошем настроении. И трезвой!

Бен снова перевернул листок и еще раз проверил, не ошибаются ли они. Но Дженни это тоже видела. Действительно, вот она стоит: бутылка водки. На журнальном столике. Закрытая и нетронутая.

Бен перевел взгляд на Дженни, в чьих глазах читались те же два вопроса.

Первый: «Ты правда веришь, что наша воздержанная дочь сначала сделала в ванной это радостное селфи, потом быстро выпила водки, чтобы затем прыгнуть вниз с крыши?»

Второй вопрос еще больше сбивал с толку.

Бен постучал указательным пальцем по журнальному столику на снимке.

«И зачем ей для этого понадобились два стакана?»

Глава 8

Они молча попрощались, неловко обняв друг друга, не зная, что теперь делать. Подозрение, что их дочь стала жертвой насильственного преступления, усилилось.

Но достаточно ли этого фото, чтобы заявить об обоснованных подозрениях в полицию? Займутся ли полицейские расследованием, когда единственная свидетельница, которая могла бы помочь, все еще в коме?

А если Джул ничего не вспомнит, когда проснется? Насколько серьезно следователи отнесутся к нему, если он попытается реконструировать насильственное преступление на основе селфи, хотя больше нет ничего, что указывало бы на «постороннее воздействие», как написано в полицейском отчете?

Ломая голову, Бен подошел к защитной сетке смотровой гондолы и перевел взгляд на Бранденбургские ворота.

Что за день сегодня!

Сначала он потерял работу, потом его избили из-за женщины, которая сама с удовольствием влепила бы ему пощечину. И в конце он еще сильнее, чем прежде, стал волноваться из-за Джул. Потому что если кто-то действительно покушался на жизнь его дочери, то в отделении реанимации она была абсолютна беззащитна. Но она уже почти неделю лежала в больнице. И за это время к ней никто не прикасался, кроме медсестер и санитаров, которые регулярно мыли ее и переворачивали, чтобы на теле не образовались пролежни.

О господи.

Бен сделал глоток воды из бутылки, которую нашел в своем бардачке. Хотя сейчас ему намного больше хотелось глотнуть водки. Машину ему пришлось оставить на полпути на Кантштрассе, после того как у него закончился бензин, а на заправку денег не нашлось. И теперь она стояла припаркованной под знаком «Остановка запрещена», прямо перед баром. Было время, когда он усмотрел бы в этом знак судьбы.

Бен подумал, что сейчас ему действительно не помешало бы расслабиться, а потом рассмеялся от этой мысли. Как-никак он находился на высоте ста пятидесяти метров над Берлином. Внизу виднелся пропускной пункт «Чекпойнт Чарли», вверху – один из самых больших гелиевых шаров в мире, и вся конструкция держалась на одном только стальном тросе, укрепленном на земле.

Воздушный шар «Хайфлайер» был одним из новых символов Берлина и в выходные обычно заполнен туристами, которые хотели сверху посмотреть на Рейхстаг, Сони-Центр[5 - Сони-Центр – ансамбль зданий на Потсдамской площади в центре города, один из символов нового Берлина.] или высотку[6 -

Здание издательства.] Акселя Шпрингера.

Но ежедневно в 19:40 совершался профилактический запуск, а Эдди, пилот воздушного шара, был старым школьным приятелем Бена. Иногда, когда Бен навещал его, Эдди пользовался возможностью и поднимал Бена одного на «Хайфлайере», чтобы проверить все функции внизу. А Бен тоже был рад оказаться наверху в полном одиночестве и отдалиться от всего мира и своих проблем. Вот как сегодня вечером.

– Ваше здоровье, – сказал Бен и почувствовал невидимую связь с бомжами, которые тридцатью этажами ниже, под ним, искали бутылки в мусорном баке перед какой-то забегаловкой на Фридрихштрассе. В десяти метрах от недавно открытого роскошного пятизвездочного отеля, на крыше которого находилась терраса с безбортным бассейном. – Ваше здоровье, – повторил он и махнул бутылкой в сторону смеющихся гостей далеко внизу, которые, конечно, не замечали, что за ними наблюдают. Большинство гостей отеля сидели на раскладных стульях перед огромным экраном чуть в стороне от бассейна и смотрели новости.

Бен вытащил сотовый, закрыл сообщение, которое напоминало, что память телефона почти заполнена, и написал Дженнифер:

«Но почему ДВА стакана на журнальном столике?»

Сделал последний глоток, прежде чем отослать эсэмэску. Потом Бен закрыл глаза, ощущая ветер на лице. Здесь, наверху, было немного приятнее, хотя и не особо прохладно. Бен чувствовал, как корзина колышется на стальном тросе, и это еще больше лишило его душевного равновесия.

«Ах, Джул».

Парадокс заключался в следующем: с одной стороны, Бен не верил, что его дочь хотела лишиться себя жизни. С другой – задавался вопросом, как она вообще так долго выдержала и не пыталась покончить с собой.

Пока ее подруги приводили домой первых кавалеров, ей приходилось потеть на сеансах реабилитации. Пока ее одноклассники танцевали на фестивалях под открытым небом, она слушала равномерное гудение МРТ-аппарата. Бесконечные обследования, тонны медикаментов с инструкциями по применению толщиной с телефонную книгу, две операции, затем мучительные фантомные боли и осознание, что уже никогда не придется нормально ходить. Он восхищался ее силой.

Бен открыл глаза и отогнал от себя ту страшную картину, которая появлялась у него перед глазами, когда он слишком долго думал о дочери.

Головой на земле. Один глаз широко раскрыт.

Он проверил сотовый, увидел, что Дженни еще не ответила, и решил поехать домой, даже если «домой» означало то место, которое ему не принадлежало.

Тобиас Майер, бывший член Fast Forward, предоставил ему на несколько дней свою квартиру в Веддинге, пока сам в качестве осветителя находился на гастролях в Азии с какой-то группой. Тем самым Тоби стоял номером 728 в списке тех, кому Бен был должен, потому что они или помогали ему с наличными, или сдавали угол.

Бен повернулся в сторону телевизионной башни, с восхищением понаблюдал за темным облачным образованием, которое медленно росло на заднем фоне, затем снова перевел взгляд на север, ненадолго задержал дыхание, моргнул. Потом развернулся обратно.

«Что за...»

В студии он узнал, что многих раздражал звук собственного голоса, когда они впервые слышали его в наушниках. Появлялось ощущение чего-то фальшивого, и люди почти стыдились этого чужого звучания, которое так им не подходило. Но это чувство было ничто по сравнению с тем шоком, который Бен только что пережил, когда неожиданно увидел свое собственное лицо. Так крупно, что даже на расстоянии пары соти метров можно было разглядеть маленькое родимое пятнышко на правой щеке.

«Какого черта?..»

На экране напротив, на крыше отеля, красовался его портрет. С логотипом телеканала в углу и титрами, которые он не мог прочитать.

Бен не сомневался ни секунды, хотя фотография была давнишняя. Его показывали по телевизору. Старый снимок времен Fast Forward, который по каким-то причинам обработали.

Бен подумал о той девушке на парковке.

Его взгляд сам собой упал на часы. Восемь часов восемь минут.

Во рту появился металлический привкус. Сердце заколотилось, как после спринта.

«Что происходит?»

Было и без того непостижимо видеть себя в прайм-тайм на огромном экране перед публикой, но графическое обезображивание своего лица Бен объяснить никак не мог.

Но вот она, восьмерка.

Как у той женщины.

Прямо у него на лбу.

Глава 9

Эдди потребовалось семь минут, чтобы спустить его на землю.

Позже, анализируя свои действия, Бен понял, что отреагировал абсолютно нелогично. Так как у Эдди в кассовой будке не было телевизора, Бен помчался вниз по Фридрихштрассе в сторону Ляйпцигерштрассе. От волнения он думал

нерационально, поддался импульсу – желанию разыскать то место, которое считал источником всего непонятного. Там, где он увидел себя. На крыше-террасе роскошного отеля, наискосок от воздушного шара.

Дизайнерская пятизвездочная гостиница носила скромное название «Пульс», о чем прибывающим гостям сообщала табличка у дверей.

Портье в ливрее был как раз занят тем, что раздавал указания двум носильщикам, которые должны были разгрузить подъехавший «бентли», поэтому Бен беспрепятственно прошел в прохладный холл, а оттуда – к лифтам.

Нажал «12» на сенсорном экране, и пахнувший кедром лифт повез его прямо на крышу.

«Зона Spa & Health» – значилось на сдержанно оформленной платиновой табличке. Бен пошел туда, куда указывала пиктограмма бассейна, на звук музыки, смеха и обрывков разговоров, пока не попал на площадку, которую только что рассматривал с высоты птичьего полета.

– Простите, разрешите, секунду, пожалуйста...

Бен протиснулся мимо группы людей, которые, вооружившись бокалами с коктейлями, шампанским и пивом, стояли на краю бассейна, и тщетно пытался найти самого себя. Бассейн, лежаки, экран – все на месте. Только его лицо сменила ведущая новостей, которая как раз перешла к прогнозу погоды:

«...самое позднее завтра утром нас ожидают сильные грозы на юго-востоке...»

Звук сделали тише, почти ничего не было слышно. Гости, необычно молодые для отеля такой ценовой категории, видимо, собрались у бара на аперитив перед ужином и вели оживленные, иногда даже возбужденные разговоры.

Бен слышал резкий женский смех, видел мужчин, которые почти с негодованием мотали головой, улавливал обрывки разговоров, не видя людей, которые произносили слова:

– ...вообще, хорошая идея...

- ...чепуха... это же невозможно...
- ...А если все-таки возможно?
- ...безумие!..
- ...думаю, он способен на многое, но такое...
- ...потерял рассудок?
- ...Ах, вы в этом участвовали?
- ...что-то принести?
- Простите?

Бен повернулся к совсем юной официантке с азиатскими чертами лица, которая одарила его профессиональной улыбкой и повторила вопрос:

- Я сказала: добрый вечер, меня зовут Ника, могу я вам что-нибудь принести?
- Как? Что? – Бен взглянул на ее пустой поднос и наконец-то сообразил: – Нет, спасибо. Я просто ищу здесь кое-кого.

«Самого себя. Если быть точным».

- То есть да. Подождите. Можно вас спросить?

Ника, которая уже отошла в сторону, снова обернулась к нему. Заученная улыбка была уже не такая уверенная, как до этого, наверное, она ожидала услышать одну из тех глупых фраз для знакомства, которые обычно говорят гости, считающие себя остроумными, а на самом деле просто напившиеся.

- Да, пожалуйста?
- Только что. Что тут показывали?

Она быстро взглянула на экран, где в этот момент шла реклама роликового дезодоранта.

– Сегодня крупный турнир по боксу. Идет прямая трансляция боя тяжеловесов из Лас-Вегаса.

– О'кей, да. Ясно, – сказал Бен, который о боксе не имел понятия и ничего не понял. – А до этого?

– В каком смысле – до этого?

– Ну, только что.

– Новости?

– ...но название хорошее: Ночь вне закона...

Бен обернулся к мужчине, который это сказал, – тот был всего в нескольких шагах от Бена; держась за руки, они вместе с женой расположились на лежаках.

– Ночь вне закона? – вырвалось у Бена, но мужчина его не услышал.

Зато услышала Ника:

– Момент...

Бен снова повернулся к ней. Почувствовал, что она рассматривает его, и увидел, как изменилось выражение ее лица.

Она занервничала, и это было даже слышно, потому что она вдруг перешла на берлинский диалект:

– Погодите-ка. Ваше лицо...

Бен непроизвольно схватился за лоб. Там, где на экране была восьмерка.

– Так это вы?

– Кто?

– Ну вы и храбрец, – засмеялась она, но это был нерадостный смех.

Неуверенно она огляделась по сторонам.

– Господи, вам нужно исчезнуть отсюда.

– Но почему? Что все это значит? Что здесь происходит?

Он немного грубо схватил ее за небесно-голубую униформу отеля и тут же пожалел об этом.

– Извините, просто...

– Убирайтесь! Немедленно! – шикнула Ника.

Она стряхнула руку Бена и направилась в том направлении, откуда он пришел.

Перед входом на кухню, рядом с баром, она еще раз обернулась. Скептически покачала головой и покрутила у виска.

Потом, приложив мобильник к уху, исчезла в помещении для персонала.

Мобильник!

Лишь теперь Бену пришло в голову, что он мог бы гораздо проще найти ответы на свои вопросы, если бы загуглил новости в Интернете.

Спеша к лифтам, он одним прикосновением разблокировал телефон и открыл браузер.

При этом случайно толкнул женщину, которая за руку вела двоих детей на открытую террасу.

– Мама, смотри... – сказала маленькая девочка, которой на вид не было и шести, и без стеснения показала на Бена пальцем.

Явно раздраженная мать не отреагировала, даже когда ее дочь повторила это. Теперь и ее брат пялился на Бена, а женщина тем временем тащила своих отпрысков в противоположную сторону.

– Но, мама, он выглядит как...

– Ты идешь или нет?!

Бен втянул голову в плечи и повернулся так, чтобы лица не было видно в профиль.

Сам не зная, почему пытается спрятаться, он тщетно боролся с чувством, что еще никогда в жизни не находился в такой опасности.

И три минуты спустя, сидя в переполненном душном метро, он убедился, что его подозрение было абсолютно верным.

Глава 10

«AchtNacht, Ночь вне закона, – так называется вебстраница, которая вот уже год гуляет по социальным сетям и воспринимается многими как плохая шутка».

Вставив наушники, Бен смотрел первое новостное видео, которое выдал ему Гугл на запрос «НОЧЬ ВНЕ ЗАКОНА». Бен переключил телефон в режим «не беспокоить», чтобы просматривать запись и не отвлекаться постоянно на входящие текстовые или голосовые сообщения.

С тех пор как его имя, похоже, попало в социальные сети, любопытные начали выползать из своих гнезд, как пауки после заката солнца. Друзья, знакомые, бывшие коллеги... Все пытались дозвониться до него. Но никому он не доверял меньше, чем незнакомцам, с которыми делил пространство вагона.

Он сел в метро U6 на Кохштрассе и занял место на продольной скамье в дальней части вагона. Справа рядом с ним какой-то подросток играл на своем айпаде. Слева дремала сорокалетняя женщина, держа в руках полиэтиленовый пакет с грязным бельем.

«Долгое время на нее не обращали особого внимания, лишь немногие инсайдеры обсуждали ее в Сети. Но за последние недели об AchtNacht стало появляться все больше слухов. И сегодня анонимные пользователи портала наконец дали понять, что не шутят».

Ведущий новостей, пожилой мужчина с бородкой и седыми висками, серьезно посмотрел в камеру, словно собирался объявить о конце света.

«Сегодня, 08.08, ровно в 20:08 сервер AchtNacht едва не рухнул, когда...»

На этом месте видео оборвалось, и на экране появилось окно с сообщением:

«Если Вы хотите продолжить просмотр, Вам необходимо зарегистрироваться».

– Вот проклятье! – Назойливая попытка заполучить доступ к его данным вывела Бена из себя, и он закрыл видео.

Поезд подъехал к станции «Фридрихштрассе», и женщина с бельевым пакетом освободила место. Бен подвинулся в самый угол, до двери, и держал свой сотовый так, чтобы никто не смог увидеть экран. Правый глаз нервно дергался в такт сердцебиению, пока Бен переходил на веб-страницу AchtNacht.

– Отойдите от дверей!

Поезд тронулся, и дисплей телефона стал черным. Лишь спустя какое-то время, когда Бен уже решил, что его сотовый завис, на экране появился квадратный логотип: заглавная буква N между двумя пылающими восьмерками.

Бен прикинул, не могут ли цифры означать что-то праворадикальное, как-никак 88 – это любимая татуировка неонацистов. Намек на восьмую букву алфавита, то есть НН, сокращение для «Heil Hitler».[7 - Да здравствует Гитлер! (нем.)]

Но, похоже, он ошибался.

«Добро пожаловать на www.AchtNacht.online!»

Бен вздрогнул, когда услышал женский голос – жесткий, по-мужски грубоватый и немного сиплый, как у ведущей одного ночного ток-шоу на радио. Наверное, именно поэтому голос показался Бену знакомым. Этот безличный, наигранный энтузиазм отлично подходил к анимационной фигуре с внешностью амазонки, которая появилась на экране. Нарисованные губы шевелились синхронно со звуком:

«Меня зовут Диана, и я королева охоты».

Бен тряхнул головой и вспомнил случившееся на парковке. «Надеюсь, Диана потом вытянет твое имя, шлюха!»

«А как тебя зовут?» – хотела знать нарисованная фигура.

Бен уставился на мигающий курсор. Нажал на «Далее», но страница запрашивала данные, так что он ввел свое имя.

«Приятно, что ты с нами, Бен. Я задам тебе только один-единственный вопрос. Важный вопрос. Он изменит твою жизнь. Ты готов?»

Бен кивнул. Потом понял, что Диана требует ввести ответ, и напечатал «да» в соответствующем поле.

«Хорошо, Бен. Вот мой вопрос: представь, что ты мог бы безнаказанно убить человека, кого бы ты выбрал?»

Бен опустил руку с телефоном. Огляделся.

Поезд метро, которое в этом месте проходило на поверхности, был полон людей, занятых исключительно собой. Большинство, как и он, держали в руке телефон. И лишь немногие книгу или газету. Некоторые рассматривали свои ботинки и рекламные постеры над головой, но никто не смотрел в его сторону. Никто за ним не наблюдал. А даже если бы и наблюдали, никто бы не догадался, что происходило в его душе. Внешне Бен держал себя под контролем.

«Это невозможно! Это просто не может быть правдой!»

И словно Диана могла читать его мысли, она сказала:

«Это не шутка, Бен. Не розыгрыш».

«А что тогда?»

«Насколько ты знаешь, наша страна переживает серьезные трудности. Денег не хватает, особенно для обеспечения внутренней безопасности. Каждый третьесортный жулик экипирован лучше, чем полиция. В Берлине полицейским даже приходится самим покупать себе оружие. Мы из AchtNacht больше не можем спокойно за этим наблюдать и совместно с федеральным правительством создали лотерею-охоту.

Внеся всего десять евро регистрационного сбора, ты можешь предложить человека. Из всех заявленных кандидатов 08.08 в 20:08 будет вытянуто одно имя.

Случайно определенный Человек Вне Закона лишается охраны со стороны государства на двенадцать часов, до 8 часов следующего утра. Это означает, что все обычно караемые действия против этого человека не будут наказуемы».

«Это шутка. Наверняка шутка!»

Бен не заметил, как у него отвисла челюсть.

«Федеральный президент уже объявил, что на следующий день помилует «ночного охотника» за любое преступление, включая убийство. Кроме того, успешный охотник, который загонит и убьет свою жертву, получит премию в

размере десяти миллионов евро!»

«Десять миллионов?»

Бен истерично рассмеялся и поймал на себе раздраженный взгляд пассажира напротив. Коренастый здоровый парень в шлепках, с типичным для берлинца летним видом: обвисший живот и футболка без рукавов.

«Очень важно: правила Ночи вне закона гласят, что объявленный вне закона может быть уничтожен любым гражданином Федеративной Республики Германия».

Бен снова уставился на экран. В ухе под наушником чесалось. Больше всего ему хотелось вытащить наушник и больше не слушать.

«Премия причитается охотнику даже в том случае, если не он сам предложил кандидатуру жертвы».

Бен сглотнул и в очередной раз вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

Попросту говоря, слова Дианы означали, что у объявленного вне закона в Германии восемьдесят миллионов врагов. Даже если от всего населения отнять детей, стариков, больных и немощных, то все равно оставались десятки миллионов, готовых поучаствовать в Ночи вне закона ради выигрыша, который позволит им и их детям больше никогда не работать.

«Конечно, если верить в этот бред».

Но в стране, где почти половина телезрителей считали псевдореалити-шоу документальными фильмами, все возможно.

«Абсурд, – подумал Бен. – Опасный абсурд!»

Что там сказал ведущий новостей?

Что эта ересь гуляет в Инернете уже целый год?

Почему эта страница вообще еще существует? Почему ее давно не удалили из Интернета?

Поезд отъехал от «Францошишештрассе». На станции в вагон зашла группа юных футболистов в спортивной форме, но Бен их даже не заметил. Диана полностью завладела его вниманием, когда совершенно серьезно сказала:

«Лотерея «Ночь вне закона» соответствует законодательству Федеративной Республики Германия. Ее целью является получение дополнительных государственных доходов, аналогично налогу на алкоголь и табак – те деньги идут на развитие системы здравоохранения. А деньги от лотереи, после вычета премии, направляются в бюджет полиции. Твой взнос будет перечислен анонимно и конфиденциально через неотслеживаемую, защищенную от взлома систему кэш-пулинга. Если ты не хочешь никого номинировать, а решил просто поучаствовать в охоте, то взимается только один евро за разрешение на охоту. Не переживай. Цель перевода нигде не отображается, и твои данные никогда не будут обнародованы или переданы третьим лицам.

В том случае, если ты претендуешь на выигрыш в Ночи вне закона, пришли нам, пожалуйста, с этой страницы электронное письмо, которое, само собой разумеется, будет передано в закодированном виде. Тогда ты узнаешь, какое доказательство успешной охоты нам необходимо и каким образом ты надежно и анонимно сможешь получить свою премию в десять миллионов, как только убедишь нас, что убил объявленного вне закона до окончания установленного срока».

Бена мотнуло вперед, потому что поезд как раз делал поворот. Но и без этого движения вагона Бен чувствовал себя выбитым из колеи.

«Итак, Бен... – обратилась к нему Диана, и Бену показалось, что он почувствовал в ее голосе циничную улыбку, – кого ты хочешь предложить? Кто тебя обидел, унизил, разозлил? Кто заслужил того, чтобы мы объявили его вне закона?»

«Этого не может быть. Они же просто шутят».

«Пожалуйста, учти, что нам необходим твой номер телефона и выразительное фото твоего кандидата, чтобы исключить любую ошибку. Но не спеши, можешь не торопиться с ответом. Лотерея-охота на этот год уже закрыта. Первого,

только что выбранного и объявленного вне закона, зовут...»

Бен моргнул. Вспомнил голос своей дочери. И сообщение, которое она оставила на его автоответчике в день предполагаемого самоубийства.

«Нам нужно поговорить, папа. Срочно!

Мне кажется, ты в опасности».

Бен закрыл глаза. Он знал, что появится на экране его смартфона в следующее мгновение. Какое имя назовут и какую фотографию покажут. Поэтому он был так ошарашен, когда Диана сказала:

«Арцу Херцшпрунг, двадцать четыре года, студентка факультета психологии из Берлина, район Лихтенраде».

Глава 11

«– Поразительно, какое развитие все это приняло, Алекс. В Фейсбуке существует фан-страница Ночи вне закона почти с миллионом лайков. Пост о выборе первого имени был прокомментирован уже тысячу раз.

– Да, Штеффен. И что меня особенно удивляет: большинство, конечно, считают идею отвратительной, глупой или опасной. Но есть и много голосов, которые положительно оценивают Ночь вне закона. Реакции колеблются от «Классная штука» и «Я действительно верю, что это правда» до «Это, конечно, обман, но неплохо, если такая лотерея-охота существовала бы в реальности».

Арцу была на удивление спокойна, словно радиоведущие говорили не о ней, а ком-то другом.

«- А сколько людей абсолютно открыто признаются, что участвовали и были разочарованы, когда выбрали не предложенную ими кандидатуру!»

Арецу оставалась расслабленной, но, возможно, люди часто себя так чувствуют, когда оказываются в экстремальных эмоциональных ситуациях. Еще никогда ее не хотели убить, так что подобного опыта у нее не было.

- Что у вас?

- Простите?

Испугавшись неожиданного вопроса таксиста, Арецу оторвала взгляд от своих пальцев, сплетенных в замок на коленях, и подняла голову.

Они как раз проезжали мимо тюрьмы Моабит. Весь близлежащий район стоял в пробке, и казалось, что поездка в пахнувшем хвойным ароматизатором «мерседесе» длится целую вечность.

«- ...но вопрос в том, сколько людей активно участвовали в этом и перевели деньги...»

Водитель не потрудился приглушить звук радио, а просто заговорил громче:

- Я имею в виду, вы там кого-то посещаете или сами пациентка?

В дальнем держателе для напитка торчали визитные карточки, на которых значилось: «Арним Штрохов, заказ такси и лимузина, перевозка больных. Скорость - компетентность - доступность!»

В этом перечне не хватало «любопытство».

- У меня все хорошо, - кратко ответила Арецу и не солгала. Бывало, она чувствовала себя хуже.

Намного хуже.

Она прислонилась лбом к вибрирующему стеклу и почесала шрамы с внутренней стороны рук.

Целый год Арецу внимательно следила за развитием событий на странице AchtNacht, как и многие другие в ее семестре. Она собственными глазами видела, как дикая шутка из почти неизвестного слуха превратилась в один из самых крупных интернет-феноменов со времен вызова «ведро льда». Только в «Ночи вне закона» речь шла не о том, чтобы сподвигнуть людей опрокинуть себе на голову ведро ледяной воды во имя благой цели, а о том, чтобы подтолкнуть их следовать самым низменным человеческим инстинктам. Утолить их кровожадность.

Согласно анонимно опубликованной статистике, интерес был невероятный.

Якобы тридцать девять процентов всех участников предлагали диктаторов, зачинщиков войн, сексуальных маньяков и других преступников, с которыми они не были лично знакомы. Около шести процентов ради забавы и наигранного возмущения номинировали противоречивых знаменитостей; существовали даже ежедневно обновляемые хит-листы наиболее часто называемых людей, которые провинились лишь тем, что зарабатывали деньги в телепроекте «Лагерь в джунглях» или в качестве спортивного комментатора.

Однако большинство предлагало самых обычных людей.

«Таких, как я, например».

Арецу скосырнула ногтем большого пальца коросту чуть выше артерии на запястье – там, где чесалась кожа, – и удивилась, что сегодня даже не думала о том, чтобы поцарапать или порезать себя.

Внутренняя боль, похоже, нашла другой выход.

«Ночь вне закона».

Прочитав свое имя на странице сегодня в восемь часов восемь минут, она испытала не столько шок, сколько оцепенение. С тех пор как в поле для первой жертвы увидела собственное фото (один из немногих снимков, на котором она

улыбалась, и единственный, который можно было найти в Гугле), она жила словно под стеклянным куполом, поглощающим все чувства. Она могла беспрепятственно смотреть через это стекло, но мир за ним казался ей равнодушным, бессмысленным и пустым.

– Я к тому, что занимаюсь перевозкой больных. Мог бы тогда регулярно вас возить, если вам туда часто нужно.

Арецу заставила себя улыбнуться таксисту. Это она хорошо умела. Имитировать чувства.

Лишь немногие сокурсники представляли, что творилось у нее в душе, когда она обедала с ними в университетской столовой и подхватывала общий смех, не зная причины веселья. А так как она и летом постоянно носила футболки с длинными рукавами, ей хорошо удавалось скрывать от других видимые признаки ее борьбы с внутренними демонами.

Ну да, время от времени какой-нибудь профессор говорил:

– Вы должны больше есть, девушка.

Но большинству мужчин, с которыми она встречалась, нравилось ее андрогинное телосложение с ногами как у Кейт Мосс и грудями-прыщиками.

Недавно она рассчитала в Интернете свой индекс массы тела. Под результатом появилось текстовое окно: «Пожалуйста, срочно посетите своего врача».

– Вы хотите подъехать сзади по Зеештрассе или к главному входу через Амрумерштрассе? – спросил Арним, но Арецу не имела понятия, что он от нее хочет. Она родилась в Лейпциге и жила в Берлине всего три года. Слишком недолго, чтобы хорошо ориентироваться в городе.

– А как быстрее?

– Сложно сказать. Примерно одинаково. В том числе и по цене.

«Тогда почему ты спрашиваешь?»

Арецу взглянула на зеркало заднего вида, где высвечивалась набежавшая стоимость поездки.

26,80 евро. К счастью, у нее достаточно наличных...

Ее пульс ускорился.

Она достала из-под ног свой рюкзак и нащупала передний карман.

- О, нет... - Арецу зажмурилась и одновременно подняла брови.

- Что такое? - спросил Арним, который, видимо, ее услышал.

- Только... э-э-э... я...

Паспорт, пистолет, ключи, сотовый, канцелярский нож... все здесь.

Кроме ее портмоне, черт побери.

- Забыла деньги? - верно предположил таксист. Он свернул направо и остановился у крытого многоярусного паркинга на Зеештрассе. Видимо, он решил подъехать к заднему входу, и они были уже на месте.

Вот дерьмо!

Портмоне все еще лежало на полочке рядом с кухонным шкафом. Она вытащила его, чтобы найти номер службы такси, который записала на какой-то визитке.

А потом забыла положить обратно.

Именно сегодня.

Иногда затишье перед бурей опасно. Оно влияет на концентрацию.

Невнимательность Ночью вне закона.

– Подвезти вас к банкомату? – предложил таксист.

По радио один из ведущих как раз распространялся о том, что якобы невозможно выяснить, кто администрирует сайт, потому что сервер зарегистрирован где-то в Северной Корее.

– Это не поможет. – Арецу помотала своей обритой налысо головой, которая делала ее похожей на молодую Шинейд О’Коннор. – У меня совсем ничего нет с собой, даже карточек.

– Хм, тогда обратно?

«Да, нет, проклятье».

Она не могла просто так развернуться. Слишком много времени уйдет на это. Кроме того, она заказала такси не от дома, чтобы у таксиста не возникло мысли прочесть ее фамилию на табличке под звонком. Она не могла попросить снова высадить себя в пяти минутах ходьбы от дома: таксист решит, что она хочет надуть его, как только завернет за угол.

«– ...вот скажи честно, ты не участвовал, Алекс? – спросил голос по радио.

– Нет, Штеффен. Но наверняка нет никого, кто не задумался, чье имя он включил бы в этот список».

Нет, развернуться и поехать обратно не вариант. Ни при каких обстоятельствах она не хотела, чтобы таксист знал ее адрес.

Тем более сейчас он и так наверняка запомнит свою неплатежеспособную пассажирку.

«Почему я не пошла к стоянке такси у станции метро? Хотя у меня все равно сейчас не было бы денег...»

– Эй, подождите, но у вас ведь есть MyCab, – обрадовался Арним.

Арецу, уже давно утратившая спокойствие и невозмутимость, неосознанно кивнула и тут же мысленно прокляла себя за это.

- Откуда вы знаете?

С помощью приложения MyCab можно было заказывать и также оплачивать такси.

Арним ткнул в свой сотовый, который был прикреплен к вентиляционной щели на панели приборов.

- Вы активировали геолокацию.

- Правда? - Она сглотнула.

О господи, об этом она не подумала. Вот дерьмо!

Ночь вне закона началась несколько минут назад, а она уже совершила столько ошибок.

Арецу растерянно взяла смартфон в руку, потому что не знала, как отключить эту функцию. Как и многие, она ничего не понимала в технике, которой ежедневно пользовалась.

- Мой телефон показывает, что кто-то с этим приложением сидит у меня на заднем сиденье. И это не я...

Таксист кашлянул - видимо, этот звук задумывался как смех. Кожаное сиденье закрипело под Арнимом, когда он повернулся назад, и она впервые осознанно посмотрела на него.

Когда Арецу садилась в такси, ее не интересовала внешность водителя; сейчас он показался ей моложе, но и щедрее, чем она оценила по его имени, голосу и курчавым волосам на спине. Они вылезали на шею из-под застиранного воротника рубашки.

Арним срочно нуждался в парикмахере, который обрезал бы ему коричневые космы, и ему стоило бросить курить, если он не хотел, чтобы зубы стали еще желтее. Но пара советов по стилю и прическе и немного силовых тренировок – и из него мог выйти представительный паренек с нежным взглядом и губками бантиком.

– Арэцу Херцшпрунг, верно? – спросил таксист, и впервые за этот душный день ее бросило в холод.

Она изучала его лицо и искала каких-нибудь признаков узнавания в этих темных глазах под густыми бровями. Но там ничего не было.

«О'кей, он еще не слышал моего имени. Или не запомнил».

Или просто не настолько сумасшедший, чтобы думать, будто немецкое правительство действительно запустило легальную лотерею с наградой за голову случайно выбранной жертвы.

«– ...хотя десять миллионов, если они действительно будут выплачены, тоже могут стать стимулом для людей, которым безразлично, нарушат они закон или нет. Я имею в виду, в Берлине и пригородах живут более четырех миллионов. Даже если один процент из них безбашенные, а девяносто девять – здравомыслящие, то мы все равно имеем в городе сорок тысяч сумасшедших...»

– Не проблема. Вы просто должны кликнуть на «Подтвердить», как только я укажу цену. Видите? Сумма должна сейчас появиться на вашем экране.

Ей показалось, или радио вдруг заговорило громче?

«– ...да, и где она сейчас! Прячется? Или забаррикадировалась дома?»

– О, это плохая идея. Я как раз вижу, что кто-то запостил ее адрес на Snapchat.

– Кто мог это сделать?

– Ее бывший? Кто-то, чье место в вузе досталось ей? Тот, кто ее номинировал?»

– Фрау Херцшпрунг?

Арецу открыла приложение MyCab и попыталась игнорировать голоса по радио, но у нее не получалось. Ей казалось, что мужчины вдруг начали кричать.

«– ...вопрос, что сейчас должна чувствовать Арецу Херцшпрунг».

Арецу судорожно сжала в руке телефон. Шрам над лучевой артерией снова зачесался. Она посмотрела вперед. И вот: только ее имя произнесли по радио, она это увидела – вспыхнувшие глаза, сомнение на лице водителя.

– Арецу Херцшпрунг? Вот это совпадение, – произнес Арним и увеличил громкость.

«– Возможно, во время шоу нам удастся установить с ней контакт.

– Или с номинантом-мужчиной. Со вторым объявленным вне закона, как его зовут?

– Беньямин Рюман».

– Да, совпадение, – прохрипела Арецу, нажала на «Подтвердить стоимость поездки» и хотела выйти из машины.

«Скорее выбраться отсюда. Немедленно!»

Но как бы сильно она ни дергала дверь, та не открывалась изнутри.

Глава 12

Один тип хотел задержать Бена уже в вагоне, но оказался недостаточно расторопным. Он по рации передал своему партнеру описание внешности

мужчины, который как раз поднимался по лестнице к северному выходу. Здесь наверху, прямо на углу Мюллерштрассе, они его и встретили.

– Ваш билет, пожалуйста!

– Черт возьми, что это значит? – возмутилась пожилая дама позади Бена, которая вовсе не выглядела настроенной на скандал. – С каких пор вы преследуете нас и за пределами поезда?

– Проездной билет нужно сохранять вплоть до выхода со станции, – сказал контролер через голову Бена. Его темные волосы были такие же короткие, как и обкусанные ногти. К футболке с нашитым нагрудным карманом крепилось удостоверение: «Мартин Пробалла, служба безопасности». Его наняло какое-то частное охранное предприятие, где он, скорее всего, получал минимальную зарплату. Недостаточную, чтобы прокормить такого мускулистого великана под метр девяносто.

– Мы хотим домой, – продолжала ругаться бабушка.

– Тогда наш друг должен поторопиться. – Охранник протянул Бену руку, которой он, наверное, мог выжать шар для боулинга.

– Нет.

– Что «нет»?

– У меня нет билета.

От волнения Бен забыл прокомпостировать его.

На узких губах контролера появилось легкое подобие улыбки. Видимо, Бен помог ему сделать план поимки безбилетников на сегодня, и уже можно было завершать рабочий день.

– О'кей, тогда, пожалуйста, ваше имя.

– Еще и это, – снова начала жаловаться пожилая дама, но сейчас ее слова были направлены против Бена, мимо которого она протиснулась, сердито пыхтя.

Пробалла отвел Бена в сторону и тем самым освободил проход для остальных.

– Ваши документы, – попросил он, когда они встали на углу перед входом в метро, рядом с трансформаторной будкой; разглядываемые многочисленными прохожими, большинство которых направлялись на вечерний сеанс в кинотеатр «Алямбра» на углу напротив. Некоторые даже снимали на сотовые телефоны.

«Только этого мне не хватало».

Бен ссутулился, пытаясь уменьшиться в размерах, и спросил:

– Не могу ли я просто заплатить шестьдесят евро, и все на этом? – Тут он вспомнил, что у него совсем нет денег, но, возможно, банкомат рядом с кинотеатром выдаст еще что-нибудь.

Он ни за что не назовет свое имя плохо оплачиваемому охраннику, который, вероятно, живет на премии с каждого пойманного «зайца».

Даже если он и не единственный объявленный вне закона, как Бен узнал на www.AchtNacht.online. По сути, он был лишь дополнительным кандидатом. В самой первой «игре» администраторы хотели перестраховаться на случай, если кандидат слишком хорошо спрячется. Сначала была номинирована Арецу Херцшпрунг, двадцатичетырехлетняя студентка факультета психологии. Извращенные правила игры гласили, что все зависит от того, кто из них двоих будет пойман первым. Согласно информации на веб-странице, «охотничья премия» в десять миллионов выплачивается только за первую «добычу». Ночь вне закона завершается первой смертью, и второй кандидат автоматически спасается.

– Проезд без билета в общественном транспорте, то есть незаконное получение предоставляемой транспортной компанией услуги, считается уголовным преступлением. – Контролер монотонно тарабанил заученный наизусть текст. – В случае первого правонарушения Берлинская транспортная компания не направляет дело в суд, но, не имея вашей фамилии, я не могу проверить, впервые ли вы нарушаете закон. Итак, сейчас вы предъявите документы?

– А что будет, если я откажусь?

– Тогда я должен буду вызвать полицию.

Бен задумался.

Стоит рискнуть?

Возможно, в его ситуации полиция действительно была другом и помощником. Любой другой, чье имя появилось бы в Интернете в списке отстреливаемых, вероятно, тут же набрал бы 110.

Но проблема была не только в том, что они арестуют его из-за неоплаченных долгов по квартплате. Если он сдастся полиции, они, вероятно, посадят его за решетку в участке. Или даже поместят в следственный изолятор, для его же собственной защиты. А насколько безопасно для того, за чью голову объявлена премия в десять миллионов евро, нахождение рядом с преступниками, которых охраняют вооруженные мужчины?

– Вы действительно хотите, чтобы я уведомил полицию? – спросил Пробалла, уже заметно раздраженный. Это означало, что его рабочий день еще долго не закончится.

Бен пожал плечами, но не потому, что ему было все равно: просто он еще не решил.

Окажется ли он в одиночной камере?

«Наверняка они не могут допустить случая убийства в тюрьме».

Но разве берлинские тюрьмы не были безнадежно переполнены? Когда он сможет поговорить с адвокатом? Нужен ли ему адвокат? Будет ли ему гарантирована безопасность?

Бен понятия не имел. В голове кружились только знаки вопроса. И никакого выхода. Потому что из-за его плохой спортивной формы о побеге не могло быть

и речи. О физическом противостоянии с великаном – тем более. В конце концов, и это самое важное, он должен был поддерживать Джул и не мог позволить вывести себя из строя из-за такого пустяка.

Только он решил достать свое удостоверение личности, как контролер вдруг навалился на него.

– Эй! – крикнул Бен, который в первый момент подумал, что парень сошел с ума и хочет драться. Только потом он понял, почему этот силовой пакет так неожиданно потерял равновесие.

– Какие-то проблемы? – Позади них раздался грубый гнусавый голос. Он принадлежал молодому человеку, который выглядел так, будто направлялся на концерт классической музыки в филармонию. На нем был черный костюм, сорочка без галстука, зато белая и с манжетами, и нагрудный платок цвета красного вина. Черные лакированные ботинки блестели, как и его идеально зачесанные волосы. Улыбка на полных губах подходила к его гармоничным дружелюбным чертам лица, мимическим морщинкам вокруг голубых глаз и задорной ямочке на подбородке. Но никак не вязалась с хитрым тоном и тем фактом, что он подкрался сзади к сотруднику службы безопасности и без предупреждения ударил его в спину.

– Вы меня толкнули? – спросил Пробалла.

Поколебавшись, он все же выбрал вежливую форму обращения. Парень в костюме был значительно меньше, моложе и слабее, чем Пробалла, но в его прямой осанке и в том, как он, почти пританцовывая, переносил вес с одной ноги на другую, было что-то раздражающее. При этом он не выглядел неестественно, как вышибалы на Штутгартерплац, которые в своих костюмах напоминали переодетых бодибилдеров. Этому типу шел сшитый на заказ вечерний наряд. Правда, не придавал ему никакого праздничного вида, а скорее создавал ауру опасности. Словно костюм был униформой, а лакированные ботинки – солдатскими сапогами, в которых парень по выходным ходит в бой.

– Толкнул ли я тебя? – переспросил задира и, смеясь, обернулся к группе молодых мужчин, которых Бен все это время принимал за зевак. Случайных зрителей, которые вообще-то собирались в кино и теперь бросали на них любопытные взгляды.

По тому, как они отозвались на смех парня в костюме, Бен понял, что это его свита. Пестрая группа из арабов, турок и немецких пролетариев. Однозначно банда – в сапогах на шнуровке и износостойких спортивных штанах до колена – под предводительством пугающего гибрида джентльмена и вышибалы.

– Ты спрашиваешь, толкнул ли я тебя? Ты это хочешь знать? Это кто здесь еще кого толкает?

Он указал на Бена, который лихорадочно соображал, как разрядить обстановку.

– Эй, все хорошо, все в порядке, – сказал он, но мужчина с внешностью модели, улыбаясь, лишь провел рукой по уложенным с помощью геля волосам. Его серебряные блестящие запонки украшала гравировка в виде омара. Эта крошечная деталь, абсолютно не важная в настоящий момент, запала Бену в память, потому что так подходила этому мужчине: он носил свой костюм как омар – панцирь, и скоро выпустит клешни.

– Это же твоя работа – беспокоить честных граждан!

– На нашей территории! – выкрикнула тень позади главаря.

Испугавшись смеха приближавшихся бандитов, контролер схватился за рацию, вероятно чтобы сообщить своим коллегам у других выходов. И тут совершил ужасную ошибку. Он попытался воззвать к разуму и тем самым потерял шанс на победу.

– Ладно, хватит. Сейчас вам лучше убраться, или...

– Или что? – закричал парень в костюме и ударил Пробаллу по горлу ребром ладони.

Великан опустился на колени, словно под каким-то невидимым весом. Схватился за шею. Тщетно попытался набрать в легкие воздуха.

Нападавший, определенно с опытом уличных и тюремных драк, применил прием кикбоксинга и ударил Пробаллу в голову своим лакированным ботинком. И на этом все не закончилось, напротив, только началось.

Какое-то время шестеро молодчиков кружили вокруг своей почти бесчувственной жертвы, как коршуны, которые не знают, от какой части тела лучше начать отрывать куски мяса. Потом, с боевым кличем, похожим на индейский, они одновременно набросились на контролера.

Хореография боли.

Бен слышал, как под их пинками ломались кости, вылетали суставы, лопалась кожа.

И когда парень в костюме в своей пляске смерти повернулся к нему затылком, Бен увидел восьмерку. Метка, как боевая раскраска, выделялась на бритом затылке главаря.

Бен смотрел вокруг, ища помощи. Но прохожие, пялящиеся до этого, теперь смотрели куда угодно, только не в сторону группы, которая, никем не сдерживаемая, жестоко избивала лежащего на земле охранника.

У Бена был только один выход.

Он закричал. Так громко, как еще никогда не кричал в своей жизни. Но он кричал не «На помощь!» и не «Пожар!», как учила его мама, которая где-то слышала, что посторонние на это скорее отреагируют.

Бен орал свое собственное имя.

Раз, другой. Пока сумасшедший с восьмеркой на затылке не вышел из кровожадного состояния и раздраженно не оглянулся на него.

– Я Бенъямин Рюман, – еще раз повторил Бен. В горле у него уже пересохло от крика. – Я объявлен вне закона. За мой труп предлагают десять миллионов евро.

Парень в костюме склонил голову набок. С его ботинок на тротуар капала кровь. Волосы прилипли к вспотевшему лбу.

– Старина, это правда, – сказал один из его ребят, которые теперь отступили от безжизненного контролера. – Он реально выглядит как...

Бен не стал дожидаться, когда тот закончит предложение.

И помчался прочь.

Толпа, которая нашла новую жертву, с криками бросилась вслед за ним вниз по лестнице, назад к платформам метро.

Глава 13

Он его достанет. Вообще не вопрос.

У этого придурка никакой выносливости, он уже сейчас пыхтел, как дешевая проститутка, имитирующая оргазм.

Николаю пришлось сдерживать себя и своих парней, чтобы те не схватили его еще на лестнице.

Какой лузер.

Через свои тонкие кожаные подошвы Николай ощущал каждый толчок, каждый шаг убежавшего по жесткому бетонному полу метро. Он обожал это чувство охоты. Но ненавидел легкую добычу.

Хотя в одном Николай отдавал ему должное. У парня были яйца. Большинство воспользовались бы удачной ситуацией и смылись, пока он и его ребята пинали сотрудника службы безопасности.

Но этот тип решил разыграть из себя героя. Хорошо, это его выбор.

Николай спускался по лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней за раз.

В самом низу он нагнал объявленного вне закона и на бегу ударил его в спину.

Тот споткнулся, упал, но тут же вскочил на ноги.

Проще простого было пнуть его пару раз и не дать подняться с пола.

Но Николай повернулся и выставил руку вперед навстречу своим парням, которые, расталкивая пассажиров, мчались за ним вниз по лестнице.

- Стойте, - приказал он.

Энджин, его лучший друг еще с начальной школы, удивленно остановился. Немец турецкого происхождения с вводящим в заблуждение сонным взглядом занимался вместе с ним четыре раза в неделю смешанными боевыми искусствами и крав-магой.[8 - Крав-мага (контактный бой) - разработанная в Израиле военная система рукопашного боя, делающая акцент на быстрой нейтрализации угрозы жизни. Система получила известность после того, как была принята на вооружение различными израильскими силовыми структурами.] Они были родственные души, только Энджину не хватало вкуса в одежде.

- В чем дело? - спросил он и указал на Бена, убежавшего за спиной у Николая. Внезаконник, как одержимый, мчался по платформе к южному выходу.

Остальные парни тоже были сбиты с толку, но подчинились приказу Николая и выжидающе смотрели на него. Никто не запыхался, за исключением, наверное, Сэмми, самого молодого. Николай еще подумает, оставить ли его у себя или заменить кем-то посильнее.

- Черт, он же уйдет от нас, - возмутился Энджин.

- Так и надо, - ответил Николай и подозвал своего друга к себе.

Тот сплюнул на ступени лестницы, которой уже никто больше не пользовался. Так часто бывало, когда они развлекались. На дискотеке ли, на парковке супермаркета или в метро. Очень быстро они оказывались одни.

- Я не понимаю. - Энджин покачал головой.

Николай улыбнулся:

– Посмотри сюда.

Он помахал перед носом Энджина черным бумажником, который только что поднял с пола.

Ничего больше не объясняя, Николай, сопровождаемый своими парнями, рванул наверх к выходу. Энджин тоже последовал за ним. Оказавшись наверху, напротив «Алямбры», и снова вдохнув выхлопных газов Зеештрассе, они услышали сирены «скорой помощи» и полицейского автомобиля.

Николай с бандой побежал через дорогу. К остановке как раз подходил трамвай. Номер M13, в направлении Борнхольмерштрассе, но Николаю было все равно, даже если он сейчас хотел в другую сторону. Главное, прочь отсюда.

– Здорово, бумажник, – с издевкой сказал Энджин, садясь на лавку рядом с Николаем. Они были почти одни в вагоне и могли занять оба ряда, никого не прогоняя.

– Его только что выронил наш друг.

Вагон тронулся, и Николай сквозь поцарапанные стекла наблюдал, как на углу остановилась еще одна машина скорой помощи. Полиция, пожарные, врач скорой помощи. Все больше машин разных оперативных и специальных служб включали свои красно-синие мигалки. К счастью, он со своими ребятами уже сидит в трамвае – за ними как раз оцепили угол Мюллер и Зеештрассе.

– Зачем нам его портмоне, старина? Это был незаконник! Здесь вряд ли лежат десять миллионов.

Николай закатил глаза и еле удержался, чтобы не ударить Энджина ладонью по лбу.

О господи!

Энджин был его лучшим другом. Но не самым умным. Придурок действительно верил, что эта страница AchtNacht реальная. Николай прикинул, стоит ли ему объяснять, что сегодня ночью они, конечно, могли бы повеселиться с этим идиотом, но размер их счета от этого не увеличится. Никто не переведет им деньги за копию свидетельства о смерти Беньямина Рюмана. Это просто интернет-утка. В пользу чего говорил и тот факт, что оба незаконника были из Берлина, то есть наверняка их вытянули не случайно.

Единственное, что было хорошего в этом слухе, который вот уже несколько месяцев распространялся в Сети, как эпидемия гриппа, – так это то, что по окончании Ночи вне закона у полиции появится сто тысяч потенциальных подозреваемых, если им нужно будет расследовать убийство этого лузера. Еще никогда преступление не могло так легко сойти с рук, как сегодня. И судьба даже подкинула им этого урода. Нужно только смотреть в оба, чтобы не лохануться.

А они оказались бы настоящими лохами, если бы побежали за тем идиотом по платформе, на которой полно камер видеонаблюдения, в то время как полицейские еще не соскоблили контролера с тротуара.

Все это Николай хотел объяснить своему лучшему другу, но лишь пожал плечами и подумал: «Да какая разница?»

Все школьные годы он помогал ему переходить из класса в класс. В конце концов Николай получил аттестат о полном среднем образовании, а Энджину пришлось уйти после девятого класса. Дополнительные занятия и репетиторство были в его случае напрасными стараниями. Поэтому Николай ограничился тем, что показал приятелю пустые отделения портмоне Беньямина.

– Нет, миллионов здесь, конечно, нет.

– А что тогда?

Николай вытащил сложенный до размера кредитной карточки листок бумаги.

– Зачем нам парковочное удостоверение? – спросил Энджин, когда Николай развернул компьютерную распечатку с логотипом клиники «Шарите». Листок уже так часто предъявлялся его владельцем, что края стали ветхими и

истрепались.

- С ним можно бесплатно попасть в крытый паркинг на Зеештрассе.

- Ну и что?

- Такое удостоверение выдается только родственникам тяжело больных или пациентов, которые находятся на длительном лечении в больнице. У матери Дэша было такое, когда на Штутти[9 - Штутти - площадь Штутгартерплац (разговорно, фамильярно).] хулиганы переломали ему все кости, помнишь? Она навещала его каждый день на протяжении двух месяцев.

- Я все еще не пойму, почему это тебя так радует.

- Господи, Ночь вне закона. Ты же читал на форуме про охоту. Сведения, которые они нашли о жертвах. Что мы знаем о дочери Беньямина Рюмана?

Энджин по-прежнему выглядел растерянным.

- Какое нам дело до инвалида?

Правомерный вопрос для того, кто особо не думает.

- Она лежит в «Вирхове», - сказал Николай, которого интересовала уже не только драка ради развлечения. Он задумал нечто большее.

Нечто гораздо большее!

Николай повертел парковочным удостоверением.

- Теперь мы знаем, где его дочь. Нам не нужно рисковать и опасаться фараонов, гоняясь за тем типом. Мы просто сделаем так, что он сам прибежит к нам и попадет в ловушку!

«Вы не поверите, кого я только что вез!!!»

Арним Штрохов в последний раз затянулся своей вечерней сигаретой, затушил ее в пепельнице и придвинул к себе барный стул.

При виде карривурста[10 - Карривурст – популярное в Германии изделие фастфуда: жареная сарделька со специальным соусом на основе кетчупа или томатной пасты с приправой карри.] у него уже потекли слюнки, но еще лучше здесь, в закусочной на Йоркштрассе, была картошка фри. Он взял один кусочек, обмакнул сначала в майонез, потом в кетчуп и, засовывая в рот, нажал «Отправить».

И принялся ждать вопросов от коллег в своей группе WhatsApp.

Раньше, когда они еще использовали радиосвязь, общаться друг с другом было проще. Сообщения по радиосети передавались с шумами или прерывались и были редко понятны для непривычных ушей пассажиров. Зато они были живыми. Легкий флирт с девушкой-диспетчером или шутка в обеденный перерыв оживляла трудовые будни. Сегодня, когда все было полностью автоматизировано и работало через приложение GPS, все больше водителей скучали по прямому общению и, как Арним, прибегали к вспомогательным средствам – например, закрытая группа WhatsApp, – если хотели оставаться на связи.

Группа Арнима состояла из еще двадцати трех коллег и называлась «Скорсезе», в честь режиссера культового фильма «Таксист».

«Если ты о Фишер... Я тоже вчера вез Хелену из аэропорта. Миха».

Арним ухмыльнулся и послал своему другу значок опущенного большого пальца.

«Но это была женщина».

Он дал им подсказку.

«Абсолютно придурочная. Худющая, как зубочистка. Я хочу ее высадить, а она дергает за ручку двери и орет: «Откройте, выпустите меня, откройте!!!»

Арним отправил первую часть, затем принялся печатать дальше:

«Она реально думала, что я ее запер или типа того. А это была лишь блокировка от детей. Тупая коза».

«Похоже на твою жену».

Это был Боб, хороший приятель, с которым они регулярно ездили рыбачить на Шармютцельзе.

«Говнюк», – написал в ответ Арним со смайликом. Потом открыл тайну:

«Арецу Херцшпрунг».

«Да ну, ерунда».

«Серьезно?»

«Точно?»

Арним проглотил кусок карривурста, запил пивом и ответил на хлынувшую лавину вопросов:

«100 процентов! Она оплатила через MyCab. Я проверил ее аккаунт».

«Вот у нее железные нервы!»

Это была Тесса, самая старшая в группе, отвечающая за женскую квоту. На двадцать одного водителя приходилось только три женщины.

Еще один коллега просил объяснить подробнее. Видимо, он ничего не слышал ни о Ночи вне закона, ни об этой Арецу.

Арним выслал ему ссылку на www.AchtNacht.online, потом прочитал вопрос от DashMan, новенького в группе. Арним смутно помнил его лицо. Это вообще был первый раз, когда тот что-либо написал, с тех пор как три недели назад они познакомились на стоянке такси на Потсдамерплац. Они разговорились о новой технике и дэшкамерах-видеорегистраторах. Все больше таксистов устанавливали в своих машинах эти маленькие видеокамеры, которые во время движения непрерывно снимали происходящее на дороге, чтобы в случае транспортного происшествия можно было восстановить обстоятельства случившегося. Dash, который соответствовал своему прозвищу, купил целых два таких записывающих устройства: одна камера висела у него впереди под зеркалом заднего вида, а другая, почти незаметная для следующих позади автомобилей, была встроена под крышкой багажника.

«Где ты ее высадил?» – хотел знать DashMan.

Арним задумался, стоит ли выдавать эту информацию стольким людям сразу.

Но потом сказал себе: «Да ладно, мы же все коллеги», написал знаменитый на весь город адрес и нажал «Отправить».

- Бен, где ты?

Дженнифер звучала так, словно в ящике для инструментов где-то внутри своего тела она нашла квадратный гаечный ключ для голосовых связок и подтянула их. Слова казались на пол-октавы выше, почти пронзительными, с дрожью, которая появлялась всегда, когда Дженнифер тщетно старалась скрыть волнение.

- Я в безопасности, - попытался успокоить ее Бен и расстегнул свою мокрую от пота рубашку. Мансардная квартира располагалась в новом доме с хорошей изоляцией. Но от тридцати градусов жары она все же не очень спасала.

- Я так волновалась, Бен. Твой сотовый был выключен!

- Да.

Бен снова включил его, как только перешагнул порог квартиры своего друга и запер за собой дверь. Проверив все окна и задернув жалюзи, он подождал еще немного, чтобы убедиться, что оторвался от банды и их главаря в костюме.

Сейчас он без сил сидел на складном стуле в сумеречном свете энергосберегающей лампочки без абажура, которая уныло болталась под потолком кухни (для светотехника Тоби обустроил свою квартиру на удивление незаметливо), и задавался вопросом, была ли хорошей идея звонить Дженни. Хотя он и доверял ей больше всех. Но Бена одолевали сомнения, что после драмы с Джул новые ужасные новости шокируют ее еще больше. Но, конечно, Дженни давно уже была в курсе, какое безумие началось вокруг него.

- Ты в полиции? - спросила она с надеждой в голосе.

Бен слышал напряжение в каждом слове. Он практически видел, как она мечется туда-сюда перед окном в гостиной в Кёпинеке, прижав телефон к левому уху (другим она слышала не очень хорошо после одной неудачно пущенной петарды на Новый год), другую руку положив на затылок. Взгляд устремлен на что-нибудь в саду, возможно, на дом на дереве, который он построил для Джул и который уже много лет потихоньку гнил.

– Я присматриваю за новой квартирой Тоби, пока он на гастролях. Он недавно снял ее. Адреса не знает никто из моих...

– Максштрассе, – перебила его Дженни и назвала район и даже правильный индекс.

Бен схватился за голову. Увидел блок с ножами на рабочей столешнице рядом с плитой и вдруг испытал непреодолимое желание вытащить из деревянной подставки самое острое и длинное лезвие.

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– А откуда я вообще знаю об этом безумии? – резко ответила она. – Все это есть в Сети, Бен.

– На AchtNacht.online? – У него чесались пальцы, так сильно хотелось посмотреть, какую информацию о нем распространили в Интернете, но, так как он говорил по мобильному, не мог одновременно искать что-то в Сети.

– Не только там, – объяснила Дженни. – Сумасшедшие объединяются повсюду в так называемые «охотничьи форумы». Фейсбук, Твиттер, Инстаграм. Господи, они обмениваются там информацией о тебе и той женщине.

– Какой-то там Арещу?

– Херцшпрунг, да. Некоторые даже договариваются, что разделят премию, если... – Она не закончила предложение.

– Этого не может быть. – Бен сглотнул. – Откуда они знают, где я нахожусь? Отслеживают мой сотовый или как?

Послышался шорох, видимо, Дженни сильно помотала головой.

– Все намного проще. Ты когда-то состоял в музыкальной группе, которая сейчас очень, очень популярна. И очевидно, рядом с тобой живет фанат Fast Forward. Он или она под ником Naughty2000 запостил: «Тип живет прямо напротив меня. Я постоянно вижу его на улице». – У Дженни срывался голос. – Бен, они как раз

пытаются выяснить номер дома и этаж!

Он открыл рот, но прежде чем ему в голову пришли слова, Бен услышал на заднем плане посторонний голос: «Дай его мне!»

- Кто это был?

Снова сильное шуршание.

- Никто, - солгала Дженни.

- Этот Никто по голосу очень напоминает мужчину.

На мгновение в трубке наступила тишина, видимо, Дженни отключила звук. Или положила трубку, чего она, правда, еще никогда не делала, как бы они ни ругались или какую бы неприятную тему ни обсуждали.

Бен посмотрел на экран своего телефона, заметил, что разговор находится в режиме ожидания, и услышал, как в трубке щелкнуло. Потом мистер Никто сказал:

- Привет, я Пауль.

Судя по голосу, незнакомец весил килограммов сто и курил сигареты без фильтра, а в свободное время объезжал диких лошадей, но, возможно, это заблуждение. Например, любимый радиоведущий Бена походил голосом на Брюса Уиллиса, а когда он встретил его лично, подумал, что перед ним младший брат Денни де Вито.

- Слушай, мы не знакомы, - зачем-то констатировал Пауль. - Это ошибка. Я говорил Джен, что нужно было рассказать о нас раньше, но сейчас уже ничего не изменишь. Я прошу тебя только об одном одолжении.

«Джен? Она действительно позволяет называть себя «Джен»?»

Бен понимал, что сейчас ему нужно переживать о другом, но ничего не мог поделать со своей ревностью.

– Не приходи сюда! – попросил Пауль и следующим предложением нанес Бену еще один вербальный удар между ног: – Особенно с учетом состояния Дженни.

«Состояния?»

– Что с ней? – спросил Бен. Он еще никогда не чувствовал себя таким глупым и смешным. Конечно, он знал ответ. И ни за что не хотел, чтобы Пауль его сейчас озвучил.

– Ладно, еще очень рано, приятель. Но именно поэтому, именно потому, что мы узнали всего три недели назад, я не хочу, чтобы что-то навредило ребенку. Ты ведь понимаешь? Если ты появишься у нас, а психи запостят это в Сети, тогда здесь будет чрезвычайная ситуация. А мы ведь не можем тебе никак помочь, верно?

Бен уставился на потолок.

Кухню наполнил звук приземляющегося в Тегеле самолета, и на секунду Бену захотелось, чтобы пилот изменил маршрут и направил машину прямо в его мансарду. Это многое бы упростило.

– Нет. Вы не можете мне помочь.

Бен испытывал желание прыгнуть на тот конец провода и засунуть Паулю трубку в рот.

– Я вас не побеспокою, не волнуйся, – добавил он.

– Хорошо.

– Только один момент, Пауль.

– Да?

Бен понизил голос:

– Я тебе не приятель. И никогда им не стану.

Глава 16

Бен положил трубку. Он дрожал. Эти похожие на озноб подергивания напомнили ему, как однажды он лежал на полу в спальне с острым приступом люмбаго и цеплялся за руку Дженнифер, потому что из-за боли в пояснице не мог сам подняться. Тогда он тоже стучал зубами, хотя в квартире было как минимум двадцать семь градусов.

Ну, времена, когда Дженни протягивала ему спасительную руку, видимо, прошли.

Бен сделал несколько глубоких вдохов и взял себя в руки, потом, немного успокоившись, перевел свой мобильный телефон в режим полета.

Только за время, пока они разговаривали с Дженни, он получил три пропущенных звонка и шесть сообщений.

Его номера не было в телефонном справочнике, поэтому Бен предполагал, что кто-то запостил его, и сейчас каждый псих пытал свое счастье и хотел хотя бы услышать голос объявленного вне закона.

Большинство отправителей он не знал – кроме девушки, с которой у него была короткая интрижка и о которой после некрасивого расставания он ничего не слышал, и эсэмэска от Шмитти, с которым они делили репетиционный зал на Гютцельштрассе. «Старик, что там у тебя происходит?» – спрашивал он не особо конструктивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Не верьте никому, кто обещает вам правду, прежде чем он начнет рассказывать свою историю.

2

Прерванный половой акт (лат.).

3

В немецком языке слова acht (восемь) и Acht (объявление вне закона, опала, изгнание) являются омонимами.

4

Кудамм (Курфюрстендамм) – одно из престижнейших мест Берлина, улица дорогих магазинов.

5

Сони-Центр – ансамбль зданий на Потсдамской площади в центре города, один из символов нового Берлина.

6

Здание издательства.

7

Да здравствует Гитлер! (нем.)

8

Крав-мага (контактный бой) – разработанная в Израиле военная система рукопашного боя, делающая акцент на быстрой нейтрализации угрозы жизни. Система получила известность после того, как была принята на вооружение различными израильскими силовыми структурами.

9

Штутти – площадь Штутгартерплац (разговорно, фамильярно).

10

Карривурст – популярное в Германии изделие фастфуда: жареная сарделька со специальным соусом на основе кетчупа или томатной пасты с приправой карри.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sebastyan-fitcek/noch-vne-zakona>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)